

18+

Алексей
Крестьянинов

ОСТРОВ

Алексей Крестьянинов

Остров

«Издательские решения»

Крестьянинов А.

Остров / А. Крестьянинов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-551609-1

В настоящий сборник включены повести и рассказы, а также стихи разных лет. В документальном разделе книги автор рассказывает о своих встречах с Булатом Окуджавой, Евгением Евтушенко, о путешествии по уникальному заповеднику, расположенному на заполярном острове Врангеля. Книга представляет интерес для широкого круга читателей, интересующихся как беллетристикой, так и публикациями в жанре нон-фикшн.

ISBN 978-5-00-551609-1

© Крестьянинов А.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
ПОБЕДИТЕЛЬ	7
1	8
2	13
3	17
4	21
5	25
6	29
7	34
8	40
Вместо эпилога	47
АРМЕЙСКАЯ ПОВЕСТЬ	48
В наряде	48
Два домика	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Остров

Алексей Крестьянинов

Корректор Л. Н. Захарова

© Алексей Крестьянинов, 2021

ISBN 978-5-0055-1609-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Остров существует.

Остров – это мы.

The Island, 2005 г.

От автора

В книге, которую вы сейчас держите в руках, под одной обложкой собраны тексты различных жанров. Есть в ней и очерк, давший название всему сборнику. Ибо это понятие – Остров, гораздо шире, нежели просто клочок земли, затерянный в океане. Даже такой совершенно невероятный клочок, каким является остров Врангеля, по которому когда-то путешествовал автор. В сущности, каждый из нас и есть Остров, окруженный безбрежным человеческим морем, в чем я полностью согласен с героиней фильма, из которого взят эпиграф для этой книги.

Я не профессиональный писатель. На протяжении многих лет занимался журналистикой, что дало мне возможность встречаться с огромным количеством интересных людей, увидеть самые отдаленные, порой, весьма экзотические края. Потом, занявшись историей и социологией, защитив кандидатскую и докторскую диссертации, начал преподавать в вузах, писать и издавать научные работы, в том числе статьи и монографии. И лишь изредка, под настроение, брался за перо, что называется, для души. В результате и родилась эта книга. В предлагаемом вашему вниманию сборнике помимо его документальной, очерковой части, представлены и беллетристические произведения: повести и рассказы. Поэтому читателям не стоит искать в них каких-то прямых совпадений с фактами чьих-либо биографий и пытаться отождествлять себя с их персонажами.

ПОБЕДИТЕЛЬ

Повесть

Когда-то, в те далекие дни, о которых пойдет речь в этом повествовании, многие мои сверстники были помешаны на одном человеке, написавшем в числе прочих книг роман под названием «Праздник, который всегда с тобой», посвященный Парижу. Вы понимаете, о ком я говорю? Это повальное увлечение не обошло стороной и моего друга Виктора. Он, как и автор названного произведения, был боксером-любителем и этим объяснялось многое.

– Нет, ты только послушай! – восклицал он и зачитывал мне следующий отрывок из введения к роману:

«Здесь ничего не говорится о стадионе „Анастази“, где ринг был в саду, под деревьями стояли столики, а официантами были боксеры. Ни о тренировках с Ларри Гейнсом, ни о знаменитых матчах по двадцать раундов в Зимнем цирке. Ни о таких близких друзьях, как Чарли Суини, Билл Берд и Майк Стрэйтер или Андре Массон и Миро. Ничего не говорится ни о наших путешествиях в Шварцвальд, ни о наших однодневных прогулках по лесам вокруг Парижа. Было бы очень хорошо, если бы все это вошло в книгу, но пока придется обойтись без этого».

– Представляешь! – глаза Витьки горели: – Ринг в саду, официанты-боксеры, двадцать раундов! Мы когда-нибудь до такого доживем? А имена-то какие, а имена!..

Меня вся эта белиберда совершенно не трогала. Во-первых, я увлекался боксом только как зритель. Во-вторых, из американских писателей мне куда больше нравились Фолкнер и Стейнбек. А, в-третьих, ну что Париж! Нам там не суждено побывать, это все равно, что мечтать очутиться на Марсе. Можно, конечно, пофантазировать, но результат-то известен.

– Не скажи, я все равно там буду, – упрямо твердил Витька, имея в виду, конечно, не Марс, а столицу Франции.

– А чем тебе наш город – не Париж? – подначивал я его. – Река наша не хуже Сены, даже, думаю, полноводнее будет. А парк – что тебе Булонский лес! За абсент вполне сойдёт «Біле міцне», а вместо круассана – на вот, возьми бублик с маком!

Виктор злился, говорил, что я ничего не понимаю, что я ограниченный человек. Он в то время был большим романтиком, мой тогдашний друг, хотя внешне выглядел весьма суровым, немногословным, в общем, как бы сказали сегодня, brutальным молодым человеком. Кто знает, что с ним сейчас, наши пути-дороги давно разошлись. О том, как это произошло, я и хочу здесь рассказать.

1

Как всё-таки интересно устроена человеческая память! Иногда всю жизнь помнишь какой-нибудь малозначимый факт своей биографии и при этом напрочь забываешь куда более важные события, которые, по идее, должны были оставить в твоём сознании глубокий след. Я, например, смутно припоминаю защиту вузовского диплома, за исключением одного, как мне когда-то казалось, чрезвычайно драматического эпизода. В самый ответственный момент, когда я начал докладывать перед комиссией содержание своего дипломного проекта, мне на голову чуть было не упал сколоченный из деревянных реек каркас с приклепанными к нему ватманскими листами. На этих стандартного размера шести или восьми, сейчас уж не помню, плотных белых листах содержалась вся графическая часть моего проекта, на которую я потратил месяца два, если не больше.

Каркас с исчерченными тушью листами был заранее установлен, как это делали защищавшиеся до меня сокурсники, на выступе классной доски, куда обычно кладут мел, и упирался своей верхней частью в стенку. Надо сказать, очень неустойчивое положение. Но до этого как-то у всех проходило. Когда же я, не глядя на чертежи, ткнул в этот карточный домик указкой, шаткое равновесие было нарушено! Я понял это по смятению, отразившемуся в глазах членов дипломной комиссии. Успев обернуться, я подхватил падающую конструкцию и даже умудрился не порвать бумагу. На помощь мне тут же пришли ребята из первого ряда. Таким образом чертежи были спасены от неминуемого уничтожения. Надетые, словно жабо, на мою голову лист или два не дали бы мне возможности в этот день защититься. Вот и всё, что я помню об этом действительно важном для каждого человека событии – защите первого в жизни диплома! Ни то, как я докладывал, как реагировали преподаватели, ни как точно называлась тема моей дипломной работы, увы, не отложилось в памяти надолго! Кстати, в отличие от всех последующих моих защит различных дипломов и диссертаций.

А вот одно из первых собраний нашей академической группы, которых за пять лет учёбы в институте прошло великое множество, я помню в мельчайших деталях. Казалось бы, ну что за событие, собрание группы? Такие собрания созывались по всякому поводу, а иногда и без оного, потому что так было надо для отчета, направляемого в деканат. Спрашивали за это со старосты группы и, между прочим, строго. Но на том собрании обсуждался действительно животрепещущий для каждого первокурсника вопрос: кого отпустить на Октябрьские праздники домой, в их родной город.

Дело в том, что на праздничное шествие, посвященное очередной годовщине Октябрьской Революции, каждый трудовой коллектив страны в обязательном порядке должен был выставлять собственную колонну, большую или маленькую – это зависело от масштабов предприятия или учреждения. Студентов вузов сгоняли на данное мероприятие, как правило, в полном составе, делая исключение лишь для небольшого числа счастливицев. Вот их-то на собрании и должен был определить жребий.

С момента нашего зачисления в институт прошло около двух месяцев, один из которых мы провели в пригородном селе, куда нас по давно сложившейся традиции бросили «на картошку», то есть в помощь убирающим урожай колхозникам. Потом начались лекции в огромных аудиториях, где никто тебя не поднимал, как в школе, чтобы выяснить, усвоил ли ты излагаемый материал, не задавал домашних заданий, не устраивал контрольных работ и диктантов, не выставлял оценок. Всё это для вчерашних школяров было ново, необычно и увлекательно, приподнимало их в собственных глазах. Только вот иногородним очень уж хотелось хотя бы на несколько дней съездить домой, к родителям, встретиться со школьными друзьями, которым не посчастливилось поступить в вуз, покрасоваться перед девчонками в качестве человека, сумевшего ухватить удачу.

В тот год система образования в стране завершала переход с одиннадцатилетнего срока обучения на десятилетний. Соответственно, и окончивших школу было в два раза больше, чем прежде. Наплыв в институты и университеты был огромен! Не всем желающим удалось тогда сразу же стать студентами. Мне повезло, конкурс в наш институт на большинстве факультетов был не такой уж высокий: горняцкие профессии привлекали не многих. Хотя на такие модные тогда специальности, как геология, геофизика, или что-то связанное с электроникой, а были у нас и такие, народ валил валом. Я, например, подал документы на механико-машиностроительный факультет и прошел. А мой приятель, Виталик Николаенко, с которым мы вместе приехали в этот город поступать, решил стать геологом и не смог преодолеть конкурс на геофаке, хотя набрал столько же баллов, что и я.

Итак, нам, иногородним, предстояло тянуть жребий. Староста Гриша Толмачев, солидный, успевший поработать несколько лет после армии на шахте и мало похожий на студента наш однокашник, нарезал двадцать полосок бумаги, три из них пометил крестиком и все свернул в трубочки. Надя Коровина протянула ему свою новенькую вязаную шапочку, куда были помещены бумажки, и жребий начался. В нем, как я сказал, не участвовали местные ребята, им это было незачем. Сам того не ожидая, я вытащил бумажку с крестиком, то есть оказался в числе тех троих, кому выпала возможность поехать домой на несколько дней. На нашу удачливую тройцу с завистью поглядывали те, кому не повезло. Больше всех, и это было заметно, расстроился Витька Головин. Широкоплечий черноволосый парень с огромными кулаками боксера, похожий на французского певца и киноактера Ива Монтана в дни его молодости – фотографии артистов в то время продавались в любом киоске «Союзпечати» – едва не плакал. Не знаю уж, в чем там было дело, но ему, судя по всему, действительно очень надо было домой. Я подошёл к нему:

– Слушай, если тебе так необходимо поехать – на, бери, – я протянул ему свою выигрешную бумажку.

– Ты это серьёзно? – не поверил Витька.

– А что тут такого? Мне вообще-то не очень и хочется, чего я не видал в своём городишке? Лучше здесь с ребятами праздники проведу.

Сказать по правде, я не сильно лукавил: конечно, неплохо было бы появиться перед своими друзьями в статусе студента, да и с одной школьной подругой встретиться не мешало. Она, помнится, не очень-то верила, что я поступлю с первого раза! С другой стороны, что я, последний день на белом свете живу? Побываю дома на новогодних каникулах, не так уж и много до них осталось. К тому же мне действительно хотелось провести праздник в большом городе, в новой обстановке. А для этого парня поездка домой, похоже, вопрос жизни и смерти.

Витька был несказанно рад:

– Теперь я твой должник! Понимаешь, с девушкой надо встретиться во как, – он провел ладонью по горлу: – Она тоже на праздники домой, в Миневиль, приедет из Саратова, в педагогический там поступила.

– Привет, девушке! А насчет должника – не парься, мелочи всё это.

– Ладно, разберемся, ещё раз спасибо! Ты где хату снимаешь?

– В частном секторе, на рю Аустерлиц. С двумя парнями из меда живу, тоже первокурсники.

– А почему не с нашими, горняками?

– Да так получилось, увидел на столбе объявление о сдаче жилья, смотрю – вроде недалеко от института, чего ещё надо? Да и не знал я толком тогда никого из наших. Вскоре, правда, Коля Менюк подселился. Ему вообще повезло, хозяйка к себе в комнату определила, другого места не было. Койки у них теперь рядом стоят, спят с ней нос к носу.

– Да? Ну и как хозяйка?

– Ничего деваха, лет этак около восьмидесяти будет. Только Николай жалуется, говорит, храпит очень.

– Пусть радуется, что не пристаёт...

Так вот болтая, мы вышли на улицу. Витька жил в первом общежитии, в двух шагах от института, а я потопал к себе, на Аустерлицкую. Общага мне, увы, не светила, ибо доход моей семьи в расчете на каждую её душу превышал установленный минимум, а мухлевать, доставать фиктивную справку, как это делали многие, родители не хотели. Да, такие вот были правила, потому что мест на всех в двух имевшихся у института общежитиях не хватало. Это потом построили ещё два огромных корпуса на авеню Клебер, и проблема, как говорится, была снята. А тогда тем студентам, семьи которых не считались малообеспеченными, приходилось снимать жильё частным образом. Моя семья под категорию малообеспеченных не попадала: отец, машинист электровоза, зарабатывал по советским меркам неплохо, мама, товаровед, тоже. Вот и пришлось мне весь первый курс и даже начало второго жить на частной квартире в то время как многие мои однокашники из явно небедных семей каким-то образом сумели пролезть в общагу.

В нашей комнатухе, куда не понятно как поместились три простые железные койки, медики занимали лучшие места, у окошка, потому что вселились раньше меня. Моя кровать стояла у входной двери, даже немного её перекрывая. Домишко был частный, построенный лет сто назад. За это время он оброс какими-то кое-как сляпанными пристройками и сарайчиками, напоминающими курятники. Одна из таких пристроек и сдавалась внаём студентам, то есть нам, в других размещалось семейство хозяев. Но и на свою территорию они умудрились, как уже сказано, запихнуть жильца – моего одноклассника Колю Менюка, который почему-то не смог найти себе более подходящего обиталища.

Один из моих соседей по комнате, Сева Круглов, крепко сколоченный, невысокого роста рыжеватый, слегка веснушчатый парень, отслуживший армию и кое-что повидавший в жизни, был первым номером в их дуэте с Петрушей Лопаткиным. Петруша же производил впечатление типичного «ботаника», ещё до конца не распрощавшегося с розовым детством. Родители его, судя по всему, холили и лелеяли единственного сына, оберегая от любого соприкосновения с реальной жизнью. Каждые выходные с различными оказиями Петруше передавались посылки с всевозможными деликатесами – иными продуктами, похоже, он не привык питаться. Это были домашние колбаски в застывшем смальце, нежнейшее свиное сало, засоленное с чесноком и перчиком, мясные и рыбные балыки, жареные куры и кролики, сырокопченые колбасы, всяческие соленья и маринады в закатанных крышками стеклянных банках, домашние пирожки и плюшки, варенье различных видов и так далее, и тому подобное! Где это все доставалось в не слишком тучное советское время – одному Богу известно.

Сева рассматривал данное изобилие как принадлежащее и ему тоже, видимо, по праву старшего друга, опекуна и наставника своего инфантильного собрата. Петрушу, судя по всему, такое положение вещей также устраивало, он понимал, что нуждается в некотором руководстве. Так вот мы и жили. Я приходил ближе к вечеру домой, предварительно отстояв очередь в институтской столовке с её рассыпающимися на подходе ко рту котлетами, состоящими наполовину из хлеба, наполовину из фарша неизвестного происхождения, слипшимися макаронами и жиденьким борщом – таковы тогда были печальные реалии общепита – и заставлял в нашей комнате лукуллово пиршество своих медицинских соседей. При этом ни разу, подчёркиваю, ни разу не был ими приглашен к столу!

Насытившись, Сева обычно брал гитару, а играл он, надо сказать, неплохо, и исполнял что-нибудь нетривиальное. Лучше всего ему удавался одесский или блатной репертуар, что, в сущности, одно и то же.

У раввина была дочка Ента,

*Тонкая, изящная, как лента,
Чистая, как мытая посуда,
Умная, как целый том Талмуда...*

Виртуозно исполнив этот одесский, не лишенный некоторого изящества шлягер до конца, Севка делал паузу и затем переходил к более грубой, так сказать, натуралистической поэзии, положенной на мотив «Sixteen tons»:

*Калитка скрипнула, пропел петух,
Корова пёр... ла – фитиль потух.
Робинзон проснулся, яйца почесал,
На бок повернулся и рассказ начал...*

Что там происходило с Робинзоном дальше любознательный читатель сегодня может узнать из интернета, забив любую строку из приведенного выше отрывка в Гугле или в каком-то другом поисковике. А ещё мои дорогие сожители предпочитали вслух зубрить анатомические термины на латыни, без неё в медицине, как известно, никуда!

– Ulna, scapula, clavicula, arteria, dentes molares¹... – монотонно звучало из их уст, порой, в течение нескольких часов.

Выдерживать такое было трудно, хотя, благодаря этому, я за год совместного проживания довольно неплохо освоил латынь, разумеется, в пределах первого курса мединститута. Жаль, она быстро выветрилась у меня из головы, как только я сменил место жительства, хотя кое-что осталось и до сих пор. Так что, воистину, худа без добра не бывает! Благодарен я своим соседям и за одну экскурсию, которую они устроили специально для меня.

– Хочешь посмотреть нашу анатомичку? – спросил как-то раз Всеволод. – Узнаешь, чем занимаются будущие врачи на практических занятиях.

Я, естественно, желание изъявил. В морфологическом корпусе института перед входом в прозекторскую, иначе я просто не могу назвать эту аудиторию, мои друзья облачили меня в белый халат, чтобы можно было сойти за студента-медика. В большом двухсветном зале стояли столы из искусственного камня, чем-то напоминавшие скамьи в общественных банях, только с вогнутыми столешницами. На них лежали расчленённые различным образом человеческие трупы: где-то распиленные пополам вдоль всего туловища, где-то, наоборот, поперёк, естественно, с удаленными внутренностями.

На одном столе покоилась нога во всю её длину от самого паха и до ступни, освобождённая от кожи с аккуратно отслоенными друг от друга мышцами. Все фрагменты тел были чем-то специально обработаны и мало уже напоминали людскую плоть, больше походя на остатки мумий. Над ногой склонилось несколько студентов. Они перебирали руками высохшие мышцы, заглядывая при этом в учебник анатомии и бубня уже известные мне латинские названия. Несколько в стороне стоял парень и задумчиво жевал пирожок с ливером, его мысли явно витали где-то далеко-далеко. В аудитории явно ощущался специфический аромат формалина и ещё чего-то, чему я, не будучи специалистом, не мог дать определения. Этот запах потом ещё долго преследовал меня и никак не мог выветриться из одежды. Но это было ещё не всё.

– Как, тебя не мутит? – спросил Севка.

– Да нет, по-своему даже интересно.

---

¹ Рука (нижняя часть от локтя), лопатка, ключица, артерия, коренные зубы верхней и нижней челюсти (лат.)

– Редкий ты экземпляр, однако! Поначалу многие наши студенты не выдерживали, – одобрительно констатировал Всеволод и, поглядев на Петрушу, загадочно промолвил: – Ладно, пошли...

Мы спустились в какой-то подвал. Длинный коридор освещался неярким светом люминесцентных ламп. По правую и левую сторону располагались массивные железные двери с задвижками, но без замков. Мы открыли одну из них. В помещении было темно. Петя нащупал выключатель и зажег такой же неяркий, как в коридоре, призрачный свет. Я увидел два огромных, выше человеческого роста, металлических чана без крышек. Здесь намного резче, чем в аудитории наверху, пахло формалином, даже пощипывало глаза. С потолка над чанами свисала какая-то металлическая конструкция, напоминавшая примитивный механический манипулятор с захватом на конце. Севка довольно уверенно взялся за рычаги и опустил захват в резервуар. Он долго пытался нащупать что-то там, в глубине, но это ему никак не удавалось.

– Давай я попробую, – сказал Петруша.

Но Севка молча и упрямо продолжал своё дело. Наконец у него получилось. Даже сквозь халат было заметно, как напряглись его крепкие мышцы: он что-то вытаскивал манипулятором из наполненного формалином бака. Я уже давно догадался, что именно. Это был труп молодого мужчины. Всеволод некоторое время удерживал его на весу, над огромной ёмкостью, и было слышно, как с трупа туда стекает вода, легким эхом отдаваясь в тишине подземелья.

– Ну, хватит, – не выдержал Петруша, – опускай!

Но в этот момент труп выскользнул из захвата и плюхнулся в наполненный до краев резервуар. Нас обдало брызгами формалина. Пришлось снять халаты, чтобы не промокнуть. В углу находилась раковина с краном, и мы умылись. Выходя из подвала, Сева философски заметил:

– Longus penis – vitae brevis est!

Видимо, там, в подвале, наметанным глазом ему удалось что-то разглядеть, чего не заметил я. Он, как и большинство представителей медицинских профессий, был неисправимым циником.

2

Виктор вернулся из своего Миневиля бодрым и вдохновлённым. Как я понял, встреча с подругой прошла успешно. Жизнь студенческая постепенно приобретала рутинный характер, лекции чередовались с семинарами и коллоквиумами, времени катастрофически не хватало, прежде всего из-за того, что мы ещё не научились по школьной привычке рационально его распределять. В нашей группе, как и в любой другой, постепенно складывались мини-кружки, завязывались дружбы на основе общих интересов, представлений о жизни, взаимных симпатий, а порой, исходя и из явно меркантильных соображений.

Например, Игорь Гулыга стал усиленно обхаживать умницу и отличника Стаса Сидоренко и его подругу Надю Коровину, очевидно, рассчитывая на их аккуратно ведущиеся конспекты лекций и вообще на помощь этой парочки во время предстоящих экзаменов. Надо заметить, он не ошибся! Стас и Надя осуществляли шефство над Игорем целых два года, пока он не перевёлся на вечернее отделение. Они помогали ему писать курсовые, консультировали по самым сложным предметам, всегда вместе со своим подопечным шли на экзамен, садились рядом и, узнав, что за вопросы у него в билете, незаметно подсовывали бумажку с торопливо набросанными ответами. Я так и не смог понять причины столь трогательной заботы.

После моего самоотверженного поступка на том памятном собрании нашей группы мы крепко сдружились с Виктором Головиным. Этот парень в смысле учебы звезд с неба, как и я, не хватал, но был надёжным и преданным товарищем. Мы за одним столом сидели на лекциях и семинарах, совместно посещали со своими подругами, которыми со временем обзавелись, кинофильмы и эстрадные концерты. Вот только спортивные секции у нас были разные. Как я уже сказал, главным увлечением моего друга, точнее страстью, был бокс. Я же выбрал для себя академическую греблю и бадминтон. Приятно было солнечным деньком где-то в начале лета, пока ещё не отправился на каникулы, мчаться на парной двойке или распашной четвёрке по речной глади, обгоняя и оставляя далеко позади неуклюжие лодки праздной, отдыхающей публики.

А бадминтон вообще был культовым видом спорта в нашем городе, потому что здесь в то время жили и тренировались чемпионка страны Ирина Н. и неоднократный призер всесоюзных соревнований Борис Б. Но Виктор не терял надежды и меня приобщить к боксу. Я даже пару раз выходил с ним на ринг, так, для пробы конечно, но ничего хорошего из этого не получилось: я был азартным зрителем и в таком качестве очень даже любил бокс, но не более того. Поэтому вскоре оставил всяческие попытки всерьёз заняться данным видом спорта. Академическая гребля и бадминтон – вот это было моё!

– Ты знаешь, – сказал мне как-то раз Витька, – я увлёкся боксом после фильма «Рокко и его братья».

– Что, Ален Делон так подействовал?

– Ошибаешься, его брат по фильму – Симоне Паронди! А Рокко мне показался слишком уж женственным и, как это правильнее сказать, чересчур жертвенным! Не должен мужчина быть таким размазнёй.

– Твой Симоне плохо кончил, да и мерзавец он был отменный...

– Это в кино. А в жизни... Словом, женщины таких как он любят, уверенных и напористых.

– Может быть, ты и прав, – ответил я. – Но мне по душе всё же Рокко, хотя Висконти со всеми этими итальянскими страстями, по моему, несколько переборщил.

На том наш высокоинтеллектуальный обмен мнениями и закончился. Однако я всё чаще стал замечать в Викторе какое-то гипертрофированное стремление при каждом удобном случае подчеркивать собственную – даже не знаю, как это поточнее назвать – brutality, что ли,

явно избыточную маскулинность. Он старался всегда и во всем демонстрировать решительность, целеустремлённость, физическую силу. Как-то раз мы с ребятами из нашей группы бродили по городу, отбывая повинность в составе «добровольной народной дружины» – были такие формирования, помогавшие милиции по вечерам патрулировать улицы городов и выследивать хулиганов.

Возле парка имени Гракха Бабёфа услышали женский крик и, рванув в том направлении, откуда он исходил, увидели парня, пытавшегося отобрать у девушки сумочку. У грабителя-неудачника ничего не получалось, деваха крепко вцепилась в сумку и орала во весь голос, пока не подоспели дружинники. Он кинулся было наутёк, но мы его быстро догнали, скрутили и доставили в отделение. Вел он себя, надо сказать, довольно нагло, мол, ничего не докажете, потерпевшей-то нет! Действительно, девушка не захотела пойти с нами в милицию. А мы по неопытности не настояли.

Парень сидел на скамье развалившись, закинув ногу на ногу, всем своим видом демонстрируя, что плевать он на нас хотел! Мы ждали, когда им займется дежурный по отделению. И тут вдруг поднялся Витька. Он как-то нехотя, будто преодолевая лень, не хватало только ещё, чтобы зевнул, подошёл к задержанному и, ни слова не говоря, хуком слева ударил его в челюсть. Ударил вполсилы, как-то вовсе уж несерьёзно, но парень завалился набок и закатил глаза.

Мы вскочили, потрепали его по щекам, дали воды, словом, привели в чувство. Всю наглость его как рукой сняло. Теперь он смотрел на нас затравленно и с испугом, как миленький ответил на все вопросы дежурного, составившего протокол, ни от чего не отпирался и был препровожден в КПЗ. Когда мы вышли на улицу, я спросил у Виктора, зачем он его ударил? Вы не поверите, но спустя много лет точно такой же ответ я услышал из уст Глеба Жеглова в фильме «Место встречи изменить нельзя»:

– Вор должен сидеть в тюрьме, – сказал тогда Витька. – Не ударь я его, кто знает, чем обернулось бы дело, может быть, отпустили бы его из милиции. Пострадавшей-то действительно нет и поди опровергни, что они друг с дружкой просто поссорились и чего-то не поделили.

В общем, ответ звучал убедительно, но что-то всё же мешало мне до конца признать правоту моего друга.

Как-то незаметно подошло время экзаменационной сессии. Её первая, зачетная часть, далась мне легко, обошлось без «хвостов» и Новый год я встретил в прекрасном расположении духа. Проблемы начались позже, во время основной части сессии.

Свой первый вузовский экзамен по матанализу я чуть было не завалил, подвела элементарная неопытность. Все дни я просиживал в читальном зале, ибо готовиться дома с моими соседями было просто невозможно: они зубрили вслух, причем не только латынь, но и все остальные предметы. Сессии в наших институтах по времени совпадали. Вечером накануне экзамена, придя домой, я всё же решил ещё раз пробежаться по самым трудным вопросам. Дождался, пока медики немного утомляются и вновь закопался в конспекты. Закончил уже в первом часу, и на этом – всё, какое-то реле в мозгу не сработало, отключения не произошло и я до самого утра, как ни старался, не мог сомкнуть глаз.

Всю ночь в перегретом мозгу ворочались какие-то формулы, нагромождались друг на друга интегралы, правила дифференцирования, производные функции, их линейное отображение *et cetera*! Словом, смешалось всё, чему нас учили блестящие профессора высшей математики в течение семестра! На экзамене, взяв билет и заглянув в него, я понял, что не смогу внятно сказать ни слова. Что оставалось делать, развернуться и уйти? Я и хотел так поступить. Но тут, как ни странно, мне помог Витька. Не в прямом смысле, конечно: он-то уже отстрелялся, правда, всего лишь на троечку, но был доволен и теперь болел за меня в коридоре. Я просто представил, что он скажет, если я смалодушничая и уйду: «Слюнтяй, мужчины так не поступают!»

И я остался, без малейшей надежды на успех безнадежного предприятия. Сел подальше от экзаменатора, закрыл глаза и постарался прийти в себя. Мне это, как ни странно, удалось, хотя и не сразу. Шли отвечать те, кто зашел в кабинет после меня, в мою сторону всё чаще вопросительно поглядывал экзаменатор, а я все сидел, тупо глядя в билет, и белый листок бумаги передо мной по-прежнему оставался девственно чистым. На нём не было ни одной формулы, написанной моею рукой! Наконец сквозь туман в голове стали проявляться какие-то обрывки ранее усвоенного материала. Я лихорадочно исчеркал уравнениями бумагу и подошёл к экзаменатору. Он посмотрел на плоды моего труда и, как ни странно, не выгнал из аудитории. Я понял, что худо-бедно ответил на один из вопросов, содержащихся в билете.

Второй вопрос требовал более развернутого вербального обоснования. С этим было сложнее, речь ко мне возвращалась с трудом. Тем не менее я что-то сумел из себя выжать. Ответ мой не слишком-то удовлетворил препода и начались дополнительные вопросы. На них я снова поплыл. Во избежание худшего чуткий экзаменатор все же поставил мне тройку, и не глядя, протянул зачетку. Я вышел из аудитории, словно вернувшись с того света.

– Что-то ты долго, – сказал Виктор.

– Спасибо, – ответил я ему невпопад. – Если бы не ты, я бы завалил этот экзамен.

Он, естественно, ничего не понял и подозрительно посмотрел на меня, наверное, подумал, что я спятил, перетрудившись. С меня постепенно, словно неподъёмная тяжесть, спало парализующее тело и волю оцепенение. На улице стало легче, наконец-то пошел слабый снежок, которого так недоставало на Новый год. Мы двинули с ребятами в парк попить пивка после экзамена. «Кафедра автоматики» – так между собой мы называли открытую площадку с пивными автоматами – зимой не работала, поэтому пришлось заглянуть в «Марсель», уютный ресторанчик, расположенный в глубине парка, почти у самой воды. Сели за столик, нам принесли пиво в бутылках (разливного не оказалось) и тяжелые стеклянные кружки.

– С успешным почином, братцы, – произнёс Артем Добужинский и залпом осушил свою пол-литровую кружку.

Мы последовали его примеру. Олег Григоренко, шуплый, похожий на какую-то птицу юноша в модной вельветовой битловке, поправив указательным пальцем очки и оглядев всю компанию, с серьезным видом изрёк:

– Надо шпаргалки писать, причем, всей группой, так легче будет. Нельзя полагаться на волю случая! Вон что сегодня с Дмитрием произошло.

Он посмотрел на меня сочувственно. Компания загалдела. Не всем предложение пришлось по душе. Не в том смысле, конечно, что стыдно пользоваться шпаргалками. Просто лень было участвовать в таком трудоёмком деле, как их изготовление.

– Верно, – поддержал Олега Виктор. – А кто не захочет – того... тому, – он запнулся, подыскивая подходящее слово.

– Тому газ отключим, – закончил за него фразой из только что вышедшей кинокомедии режиссера Гайдая Артем Добужинский.

Все прыснули со смеху, даже мой друг, всегда предпочитавший действовать с позиции силы.

Когда я пришел домой, там находился гость: к Севке Круглову приехал отец. Они сидели втроем и пировали – ребята тоже только что сдали какой-то экзамен. Севкин отец пригласил меня к столу, но я отказался, очень хотелось спать. Гость выглядел не лучшим образом, чувствовалось, что устал с дороги или же приболел. Я плюхнулся на кровать, но сон, как ни странно, меня не брал. Пир подошел к концу, и Севка предложил отцу прогуляться по городу. Тот был не против.

– Только, знаешь, Сева, дай мне соснуть минут десять, – сказал отец.

Я подумал, что он так в фигуральном смысле выразился насчет десяти минут. Оказалось, ничуть.

– Хорошо, папа, через десять минут разбужу, – молвил Севка.

Его отец, как сидел на стуле, так и отключился! Мгновенно, только предварительно ослабился, откинулся на спинку и опустил руки, словно плети. Мне показалось, что он даже начал слегка похрапывать. Ровно через десять минут Сева сказал:

– Папа, вставай, – и потрепал его по плечу.

Папа открыл глаза. Когда он поднялся со стула, это был другой человек: никаких следов усталости, сама бодрость и целеустремлённость! «Мне бы так», – с завистью подумал я.

3

Второй семестр был в самом разгаре, когда заболела наша отличница Наташа Друян.

– Ты в той стороне живёшь, загляни к ней, а то я сегодня не смогу, – попросила меня её подруга, тоже Наташа.

– Ладно, давай адрес.

Она сунула мне бумажку:

– Это возле строительного института. Тяжело ей одной, бедняжке, без дружеского участия и человеческого тепла.

Она со значением посмотрела на меня. Я давно уже ловил на себе томные, задумчивые взгляды Наташки, той самой, что сейчас лежала больная где-то на съёмной квартире. Но я оставался верен своей школьной неразделенной любви по имени Зоя, не допуская даже мысли, что кто-то может занять в моих безнадежных фантазиях её место. Естественно, кодекс чести, основанный на таких возвышенных представлениях о человеческих взаимоотношениях, требовал от меня в самом зародыше пресекать как собственные сомнения в глубине моих чувств к Зойке, иногда посещавшие меня, так и любые попытки к сближению, исходящие порой от некоторых институтских девиц.

Нарушить этот условный кодекс было для меня равносильно крушению мироздания или чему-то ещё более страшному, хотя что может быть страшнее вселенского апокалипсиса. Это я к тому, чтобы было понятно тогдашнее состояние моих мыслей и чувств. Увы, природа человеческая несовершенна! Повреждение нравов происходит быстрее, чем человек взрослеет и приходит к выводу, что именно тогда, до этого самого, незаметным образом свершившегося повреждения, он только и был самим собой. Настоящим, без последующих искусственных наслоений, от которых он бы и рад теперь освободиться, но их уже никаким скребком не соскребешь.

Когда я вошел в Наташкину комнату, она лежала в постели, на благоухающей духами белой кружевной подушке. Я положил кулёк с яблоками на стол, вежливо поинтересовался её здоровьем и передал привет от всей нашей группы. О чем говорить ещё я не знал. Молчала и Наташка. С раздумывавшимся лицом, слегка растрепанными, разметавшимися по подушке белокурыми волосами, она была необыкновенно хороша. Я счел возможным отметить это про себя, несмотря на упомянутый выше внутренний кодекс, предписывающий вечно хранить верность Зойке.

– Посиди со мной, – сказала Наташа и подвинулась на кровати.

Я осторожно присел. Говоря по правде, она мало походила на больную. Словно угадав мои мысли, Наташка тихо промолвила:

– Горю вся, наверное, температура высокая, а градусник куда-то запропастился. Как ты думаешь, у меня жар?

Я хотел потрогать ладонью Наташкин лоб, но она перехватила мою руку и приложила её к своему глубокому декольте.

– Ну что, есть жар?

Я что-то промямлил в ответ, чувствуя, что у меня самого сейчас поднимется температура. Больная смотрела на меня тем самым волнующим взглядом, который я у неё несколько раз перехватывал в институтских аудиториях. Но сейчас в этих глазах было ещё что-то, названия чему я не находил. Я попытался подняться, чтобы пересесть на стул, но Наташа легким движением руки удержала меня. Конечно, я всё понимал, не маленький! Но мной овладело какое-то оцепенение, постепенно переходящее в смятение. В этот момент я даже забыл о Зойке. Что же всё-таки делать? Как это должно происходить? И потом... А что потом? Как я потом посмотрю

в глаза Зое? Нет, это невозможно! Я опять попытался встать. На этот раз Наташа мне не препятствовала.

– Ладно, иди, – сказала она с едва заметной улыбкой. – А то ещё сознание потеряешь, что тогда будешь делать с тобой.

Словно сомнамбула, я вышел на улицу. Уже зажглись фонари. Я шел в расстегнутом пальто, и мне по-прежнему было жарко. Этой ночью, как и той, перед экзаменом, я опять не смог сомкнуть глаз.

Второй семестр отличался от первого главным образом тем, что куда-то ушла растерянность перед новым, студенческим образом жизни, так разительно не похожим на прежний, школьный, когда рядом с тобой были папа с мамой, всегда готовые прийти на помощь, и учителя, по сути, вторые родители, не менее настоящих переживавшие за все твои промахи и радовавшиеся твоим успехам. Институтские же преподаватели относились к тебе более индифферентно, если не сказать безразлично. Во всяком случае, нам так казалось. Но это как раз и являлось тем проявлением свободы, к которой мы всегда неосознанно стремились, хотя и не были к ней как следует подготовлены, что совсем скоро сыграет со мной и моим другом Виктором весьма злую шутку. Но пока до этого было ещё далеко. Пока Виктор готовился к «поединку века», встрече на ринге с чемпионом института по боксу в полутяжелом весе кандидатом в мастера спорта Будимиром Берзиным, в просторечии – ББ. А мы, его одногруппники, как могли, поддерживали нашего товарища и готовились болеть за него.

Витька тренировался по несколько часов в день и не только вечерами, иногда для этого ему приходилось пропускать занятия. Я тоже, бывало, сбегал с лекций и отправлялся в спортзал, чтобы поприсутствовать на его тренировках, посмотреть бои со спарринг-партнерами. Меня удивляло, как он выдерживает такие нагрузки! Бой полутяжей – это тебе не поединок спортсменов «петушиного» веса. Каждый пропущенный удар потрясает тебя до основания, дезориентирует в пространстве и даже во времени. Он способен вызвать смятение и панику, необратимым образом сказаться на психике, вот почему в боксе так важна волевая подготовка. В других видах спорта ты можешь проиграть, пробежать медленнее соперника, не взять необходимую высоту, поднять на несколько граммов железа меньше, не забить решающий гол, наколеч, получить травму. И только в боксе ты рискуешь быть на глазах у всех избитым до потери сознания! А чем иным, скажите, является нокаут? Всякие там бои без правил – это, по сути, тот же бокс, только с различными вариациями. Поэтому, несмотря на всю мою любовь к этому виду спорта, я никогда до конца не мог понять боксеров, ставящих на кон собственное здоровье, а значит, в конечном счете, жизнь!

Бой был назначен на День Победы – девятое мая. Ринг находился в недавно построенном спортивном корпусе института, просторном и светлом. Там было много места для зрителей, желающие могли наблюдать за соревнованиями даже сверху, с внутреннего балкона. Словом, можно было не переживать, места хватит всем.

С утра мы с ребятами гуляли по празднично украшенному городу, спустились к площадке, где на крутом берегу реки в самом конце широкого проспекта только что открыли величественный обелиск в память об освобождении города от фашистов. Почти все деревья и декоративные кустарники уже покрылись нежной светло-зелёной листвой, из репродукторов звучали военные песни и марши, всё это брало за душу, настраивало на праздничный лад с примесью лёгкой грусти.

Еще не были написаны многие песни о войне, такие, например, как Тухмановский «День Победы» или «Мы за ценой не постоим» из фильма «Белорусский вокзал». Но из открытых окон домов, из громоздких переносных магнитофонов, с которыми по бульвару разгуливала молодёжь, подметая асфальт модными, невероятно расклеванными от колен брюками, изготовленными в ателье индпошива из дефицитнейшей ткани с лавсаном, уже разносился хрип-

лый баритон Высоцкого, певшего про «Як» -истребитель и штрафные батальоны, про сыновей, уходящих в бой, про того парня, который не стрелял, и про другого, однажды не вернувшегося из боя! Мы все тогда были помешаны на Высоцком и распевали его баллады на вечеринках, даже не зная точно слова, ибо качество магнитофонных записей было ужасным, а по радио песни его ещё не звучали, пластинки не выходили.

– Ну что, выиграет сегодня Витька? – спросил ни к кому конкретно не обращаясь Артем Добужинский. – ББ сильный соперник, и опыта у него побольше!

Ребята молчали. Действительно, результат боя предугадать было трудно. С одной стороны, Виктор внешне выглядел крепче соперника, был выше его ростом, и руки у него были длиннее. С другой, Будимир – чемпион института, неоднократный призер спортивного общества «Буревестник». Он на три года старше Витьки, провел больше боев и только в одном потерпел поражение. К тому же он – кандидат в мастера спорта, тогда как наш товарищ – первоурядник.

– Бьюсь об заклад, что Витька победит, – сказал Коля Менюк, – я видел его на тренировках, прёт, словно танк, не остановишь!

– Смотря кто пытается остановить, – не согласился Артём. – С Берзиным они на ринге встречались, кто-нибудь знает?

Это знал я, но промолчал. Они, действительно, встречались три раза в неофициальных боях на различных площадках и все три раза Витька по очкам ему проиграл. Честно говоря, у меня тоже не было никакой уверенности, что на этот раз моему другу улыбнется удача.

Мы заняли места на балконе, когда уже вышла первая пара спортсменов – наилегчайшего веса. Они резво перемещались по рингу на протяжении всех трёх раундов, нещадно мутузя друг друга, и казалось, их не берет усталость. В этом весе чистые победы нокаутом случаются редко, и на этот раз победитель был определен по очкам. Потом соревновались ребята лёгкого и первого полусреднего веса, полусредний и средний веса представлены не были. Наконец, подошла очередь полутяжей. Рефери по очереди представил публике участников: сначала ББ, и тот, как положено, поклонился на все четыре стороны с изяществом марионетки, почему-то присущим всем боксерам, затем вскинул над головой руки в перчатках, приветственно потрясая ими. В ответ раздались бурные аплодисменты его поклонников, среди которых, кстати, преобладали девушки. Потом представили Витьку. На этот раз аплодисменты были пожиже. Рефери указал участникам их углы, Витьке достался синий.

Я наблюдал за ним. Внешне он был спокоен, но я-то знал, что это не так! Я успел хорошо изучить своего друга. Несмотря на постоянную несколько самоуверенную и снисходительную манеру общения с людьми, которую он почему-то избрал для себя и за чем тщательно следил, в критические моменты Виктор, как ни странно, легко вдавался в панику. Я не раз с удивлением отмечал это про себя – так не вязалось подобное проявление некоторого малодушия с его обликом чуть ли не супермена.

Тренеры и секунданты торопливо отдавали своим подопечным последние наставления. Прозвучал гонг и, приняв из рук тренера капу, Виктор шагнул в центр ринга навстречу сопернику. Поначалу они, как это обычно бывает в серьёзных весовых категориях, долго танцевали друг вокруг друга, осторожно прощупывая оборону противника. Собственно, в первом раунде они обменялись лишь несколькими стоящими ударами и почти не сходились в клинче.

Сказать по правде, первый раунд вышел очень вялым, и зал разочарованно загудел. В перерыве тренер что-то горячо говорил Витьке, а тот угрюмо молчал, изредка кивая головой. Прозвучал гонг ко второму раунду. Теперь картина существенно поменялась, ББ сразу же пошел в наступление и начал теснить Витьку к канатам. Но у того было преимущество – более длинные руки и он старался держать противника на расстоянии. Где-то за минуту до окончания раунда Виктор все же пропустил очень сильный удар справа, который отбросил его на канаты.

Судья начал было отсчет, но мой друг сумел быстро собраться и продолжить бой. Я видел, что он с огромным трудом сдерживал натиск Берзина и если бы не прозвучал гонг, не знаю, чем все могло бы кончиться. По результатам двух раундов явно лидировал Витькин противник.

Пока секунданты обтирали и обмахивали Виктора мокрым полотенцем, тренер пытался ему что-то втолковывать. Но я думаю, он уже мало что воспринимал. На первых секундах заключительного раунда Витька снова попал в нокаун, но опять сумел быстро прийти в себя. После этого, думаю, он по-настоящему запаниковал. Вот тут-то его противник и совершил непростительную ошибку. Возможно, решив, что победа уже у него в кармане, он на какое-то время ослабил натиск, чем тут же воспользовался его визави.

Я даже не успел заметить, как Витька нанес чемпиону свой коронный удар левой, настолько молниеносным он был. ББ пошатнулся, но устоял, из рассеченной брови брызнула кровь! Рефери остановил бой. Никаких катменов, разумеется, в то время у наших институтских боксеров не было и в помине, их функции выполняли тренер и секунданты. Не имелось и препаратов, содержащих адреналин. Рассечение наскоро обработали перекисью водорода, приложили вазелин со льдом, кровь вроде бы остановилась, и судья разрешил продолжить схватку.

Все время, пока на ринге происходили эти события, зал неистовствовал. Даже всегда невозмутимый Артём Добужинский что-то орал и топал ногами. До конца последнего раунда оставалось не более полуминуты. ББ ушел в глухую защиту, он закрывал перчатками рассеченную правую бровь, стараясь дотянуть до спасительного гонга. Витька же предпринимал отчаянные попытки пробиться именно сюда, к самому уязвимому месту своего противника. Технический нокаут – только он мог принести ему победу! И это ему удалось, он дотянулся перчаткой до раны.

Рефери остановил бой, кровь заливала глаз Будимиру и капала на пол, пока он шел в свой угол, где его ждали тренер и секунданты с ватой и медикаментами. За десять секунд до конца третьего раунда победу над чемпионом техническим нокаутом одержал первокурсник Виктор Головин! Теперь он был чемпионом института в своей весовой категории. Конечно же, это было выдающееся достижение. Но мне что-то мешало испытывать настоящую радость за успех друга.

4

Летнюю сессию Витька сдавал уже в ранге чемпиона. Но этот титул мало сказался на отношении к нему преподавателей. Это нам, его сверстникам и товарищам казалось, что все вокруг только и делают, что следят за спортивными достижениями студенческой братии и в зависимости от них формируют свои симпатии и антипатии к нам, грешным. Отнюдь! Ему, как и другим, тоже приходилось порой получать «неуды», пересдавать «хвосты» и прибегать к шпаргалкам, чтобы не завалить экзамен. В этом смысле для него, повторяю, ничего не изменилось, никто не давал поблажек за его лихую победу на ринге. Да многие преподаватели о ней и не знали, ибо не были в курсе спортивной жизни родного вуза, которая их попросту не интересовала. Мне, худо-бедно, летнюю сессию удалось пройти без эксцессов, задолженностей не было, и я с легкой душой вместе со всеми отбыл в родной Эльзас с Лотарингией на первую производственную практику. Это был очень веселый этап нашей студенческой биографии, хотя приходилось вставать ни свет ни заря и добираться вместе с первой горняцкой сменой служебным автобусом на шахту, расположенную километрах в пяти от рабочего поселка, где мы жили в общежитии. Помимо неизгладимых впечатлений от шахты, где нас оформили в качестве подземных рабочих, во мне от того времени навсегда осталось битловское:

*Is there anybody going to listen to my story
All about the girl who came to stay?*²

И бесподобный припев:

*Ah, girl, girl, girl...*³

Этот шлягер, записанный на переносной магнитофон, мы слушали ранним утром, торопливо глотая чай с бутербродами и собираясь на работу; днем, вернувшись в свое общежитие; вечером, таская с собой эту бандуру с крутящимися бобинами, когда гуляли с местными отчаянными деваками вблизи лениво курящихся терриконов. Словом, мотив этой песни сопровождал нас всегда и всюду, не надоедая, не приедаясь подобно иным хитам, звучащим с эстрады. Потому, наверное, и запал он мне в душу на всю оставшуюся жизнь. А может просто от того, что мы были молоды, беспечны и воспринимали всё происходящее с нами как увлекательное приключение, чем-то напоминающее бесконечное веселое кино.

Мой внутренний кодекс мало-помалу начинал давать сбои, образ Зои как-то тускнел, приобретал всё более размытые очертания по мере того, как она стала всё реже и реже отвечать на мои письма.

Однажды вечером, когда мы сидели с местными девчонками на скамеечке возле общежития и, балагурия, так, ни о чем, крутили свой многострадальный магнитофон, к нам подошел странного вида мужик, неопрятно и грязно одетый, заросший многодневной щетиной, с каким-то синюшным лицом. От него за версту несло перегаром. Тогда не было такого понятия – бомж! Опустившихся и потерявших в жизни людей, с которыми, впрочем, ни мне, ни кому-то из моих друзей до этого вплотную пересекаться не приходилось, называли бичами. Откуда пошло такое название?

² Хочет кто-нибудь послушать историю о девчонке, гостившей у меня?

³ Ах, девушка, девушка, девушка...

Существуют различные версии. Одну из них впоследствии высказал Владимир Высоцкий, в стихах которого бичи иногда фигурировали в качестве весьма колоритных персонажей, достаточно вспомнить песню «Про речку Вачу и попугайцу Валу». Так вот, по его версии, которую я, впрочем, и до него слышал не раз, бичами называли людей, чаще всего моряков или рыбаков, отставших от своего корабля, или списанных за какую-то провинность на берег, а потом загулявших, запивших, промотавших все заработанные деньги и опустившихся на самое дно. Они не имели своего угла, жили где попало: если на севере – то в люках теплотрасс, там тепло, а также в подъездах многоквартирных домов, в подвалах, на чердаках и в других, мало приспособленных для этого местах. Ведь слово *beach* переводится с английского как берег, пляж. Отсюда всё якобы и пошло. Может, и так, но в позднем СССР аббревиатуру «бич» остроумно расшифровывали по другому: «бывший интеллигентный человек», что частенько соответствовало действительности. В нашем случае так уж точно.

Мужик попросил закурить, ему, разумеется, дали.

– Может, за водочкой сбегать? – ехидно спросил кто-то из наших.

– Не отказался бы, – с каким-то странным, не вяжущимся с его обликом чувством собственного достоинства ответил бич.

Мы переглянулись.

– Что, папаша, не спится? Шел бы домой, поздно уже, – сказал ему Витька. – Живешь-то где, далеко?

Сидевшие с нами дамы отворачивались, картинно закатывая глаза и всем своим видом показывая, что незачем разговаривать с этим ничтожным человеческим существом. Но нашему чемпиону было, по-видимому, интересно.

– Далеко-о, – протянул бич, кивнув на ближайший террикон. – Там и обитаю. А что, зимой тепло – отвал согревает, и не только меня. Уголёк опять же среди породы встречается, наберёшь – людям продашь, на еду и питьё хватает.

Поясню, что породные отвалы, или терриконы, которыми покрыты все угольные регионы страны, а может, и мира, действительно источают тепло, поскольку в их недрах идет непрерывный процесс тления, покуда не выгорит весь уголь, перемешавшийся с породой во время её транспортировки в отвал. По-научному данный процесс называется пирометаморфизмом. Никто эти гигантские курганы, конечно, не поджигает специально, возгорание происходит само собой, произвольно. И так же неожиданно прекращается, когда иссякает топливо. А до тех пор люди, живущие по соседству, выискивают среди породы куски антрацита и используют этот бесплатно доставшийся уголёк для обогрева своих жилищ. Вот, оказывается, и бичи промышляют тем же.

– А где семья-то, папаша,.. а почему не работаешь? – никак не мог уговориться Виктор. – Не старый ведь ещё мужик.

Бич устало махнул рукой:

– Всё было, сынок, да утекло сквозь пальцы.

В подробности он вдаваться не стал, попросил ещё сигарету и перед тем, как уйти, произнёс загадочную фразу:

– Не пересекайте океаны ради людей, которые не пересекли бы ради вас и лужи. Спасибо, ребята, будьте здоровы!

Мы с Витькой переглянулись: ничего себе, вот так бич, какие перлы выдает! И понимай, как хочешь! Через несколько шагов он обернулся:

– Это не я придумал, ребята, это Фёдор Михайлович Достоевский сказал.

– А он не всегда был бичом, – словно читая мои мысли, промолвила одна из сидевших с нами подруг. – Он главным инженером на шахте работал, семью имел. Что потом произошло – никто не знает. Жена с детьми уехала, он запил и лишился должности. А затем вообще с шахты

попёрли. Тогда он по дешевке продал дом, теперь вот живет в шалаше у отвала, пока уголь не весь выгорел.

Уже в общежитии, лёжа в постели, я повторил про себя: «Не пересекайте океаны...», и подумал: надо запомнить, здорово сказано! После чего тут же крепко и безмятежно заснул.

Месяц практики пролетел незаметно, и мы разъехались по домам, на каникулы. Я приглашал к себе Витьку, но он почему-то поехать не смог. В нашем маленьком городке мы наконец увиделись с Зойкой, она тоже приехала на каникулы из Москвы. В первый же вечер я позвонил ей по телефону:

– Давай завтра встретимся где-нибудь.

– Где?

– Ну, например, на пляже, ты ведь, наверное, ещё не успела позагорать?

– Ошибаешься, пока ты прохлаждался на шахте, я в поте лица приобретала загар.

– Да ты ведь только три дня назад приехала!

– Ну, ты же знаешь, как ко мне прилипает солнце, мгновенно.

– Зой, я утречком заскочу за тобой, и вместе поедem на пляж. Идёт?

– Хорошо!

Часов в девять утра я подкатил к Зойкиному дому на такси. Она только-только проснулась и, узнав, что внизу ждёт машина, с досадой меня отчитала:

– Митя, скажи, ну кто на пляж на такси ездит, да ещё в такую рань! Мы же с тобой не в ЗАГС собираемся!

Я попытался её поторопить, но она продолжала ворчать:

– Что за провинциальные купеческие замашки!

Конечно, себя она уже считала столичной штучкой, в Москве ведь теперь училась.

На пляже мне пришла в голову идея отправиться на другую сторону водохранилища, я там ещё не бывал. Мы приехали в порт, взяли билеты на рейсовый теплоход, и наш миникруиз начался. Ходу до Вильядж де Котй, так называлось небольшое селение на противоположном берегу, было не более минут сорока. На палубе играла музыка, работал буфет, и мы ощущали себя персонажами какого-то шикарного голливудского кинофильма. На том берегу тоже был пляж, правда, похуже нашего, городского. Мы несколько раз искупались, позагорали.

– А ты мог бы переплыть водохранилище? – спросила Зойка задумчиво.

Я вообще-то держался на воде хорошо, к тому же не раз слышал байки от своих школьных товарищей, что кто-то из них якобы преодолевал это рукотворное море вплавь.

– Не знаю, не пробовал, но если ты хочешь... Только имей в виду, возвращаться в город тебе придётся одной.

– Да ладно, я пошутила. Скажи, а неужели смог бы переплыть?

Я подумал, прикинул. В принципе, сил бы мне вполне хватило преодолеть эти девять с чем-то там километров. Вода была теплая, ветер отсутствовал. Только сколько времени заняла бы вся эта канитель? Солнце уже садилось, а в темноте преодолевать фарватер опасно, можно попасть под винт какого-нибудь судна.

– Ты что, всерьёз, что ли, воспринял мои слова? – удивлённо спросила Зоя. – Ну, ты даешь, с тобой, оказывается, опасно шутить!

На пляже имелась какая-то забегаловка с двумя или тремя столиками. Можно было заказать лимонад, засохшие пирожные и сухое вино. Мы остановились на газировке и вине. Это был «Рислинг». Больше кислоты мне в мои нежные годы ещё пробовать не приходилось. Зойке, кстати, тоже. Но мы героически осушили бутылку, запив вино лимонадом. Уже давно стемнело, на южном небе мерцали звезды.

– О Боже, – спохватилась Зойка, – когда отходит последний катер?

Мы побежали к причалу. Матрос уже убирал сходни, но увидев нас, притормозил. Мы были одни на этом последнем теплоходике, исключая, конечно, шкипера и матроса. Они находились в рубке, а мы спустились в самый низ, где в пустом салоне едва горел свет. Вся моя резвость в один миг иссякла. Мы сели на мягкий диван и долго молчали. Я осторожно обнял Зою и поцеловал. От неё пахло вином и нагретым за день на солнце молодым, упругим телом. Весь путь мы обнимались и целовались и на этом не остановились. С ней у меня такое было впервые. Впрочем, не только с ней.

В то самое лето мы сильнее всего ощущали взаимное притяжение, можно сказать, искреннюю влюбленность. Впоследствии в наших отношениях что-то произошло, непонятным образом надломилось. Внешне всё оставалось как прежде, мы слали друг другу письма, в которых рассказывали о своем житье-бытье, об институтских друзьях, о развлечениях. Но я видел, что в Зойкиных посланиях пропала былая искренность, она явно что-то недоговаривала. Читать между строк я ещё не умел, но интуитивно чувствовал: она находится на каком-то распутье.

Особенно меня потрясло одно её письмо. Оно было, казалось бы, ни о чем: о пакостном настроении, мерзкой московской погоде, о ссоре с какой-то подругой. Ну что тут такого, бывает, просто-напросто на человека накатила хандра, временная депрессуха! Но я хорошо знал Зою, она так могла писать, лишь испытывая какое-то очень сильное чувство. К кому-то, кто ей, по-видимому, пока что не отвечает взаимностью! Я догадался об этом, но ничего предпринимать не стал. Сейчас-то я понимаю, скорее всего, она хотела услышать от меня какие-то волшебные слова, способные излечить её от испытываемой боли, помочь разобраться в себе и найти правильное решение. Но я увидел только одно – у неё появился другой. А раз так, пусть решает сама кого кому предпочесть! Советчики в таком деле излишни.

5

Однако я забежал вперед. К началу учебного года я снова вернулся на ту же квартиру, к своим соседям – будущим эскулапам. Сказать по правде, жить с ними мне порядком надоело, и я решил искать новый угол. Неподальёку от моей резиденции на Аустерлицкой, тоже в частном доме снимали жильё два парня из нашей группы – Добужинский и Григоренко. В их комнате освободилось место, кто-то получил общежитие и съехал. Ребята сами предложили мне перебраться к ним, переговорили с хозяйкой, она не возражала, какая ей была разница, лишь бы деньги исправно платил. В тот же вечер я собрал свои манатки и перебрался на новое место. Мы уже хотели было слегка отметить моё новоселье, как вдруг со двора донеслись женские вопли, плач и шум драки.

– Не обращай внимания, – сказали ребята, – хозяйка со своей матерью разбирается, мы привыкли.

Я выглянул в распахнутое окно. Моя новая дородная хозяйка мутузила во дворе тщедушную седую старуху, таскала её за волосы. Само по себе избиение старой женщины выглядело отвратительно, но если это ещё и мать! Я не понимал своих товарищей.

– И вы на это спокойно смотрите?

– Да они через пять минут, как ни в чем не бывало, начнут лобызаться, говорим же, уже привыкли.

Я поднялся и вышел во двор. Всё моё существо противилось этому свинству.

– Что вы делаете, прекратите сейчас же! – воскликнул я, обращаясь к хозяйке.

Она с удивлением посмотрела на меня, но тут же опять занесла над старухой кулак. В этот момент я и перехватил её руку. Хозяйка была поражена, она даже сразу не сообразила, что происходит. Старуха, пользуясь моментом, вырвалась и заковыляла к дому. Наконец, хозяйка обрела дар речи и заорала:

– Во-о-н! Немедленно вон из моего дома!

Я и сам прекрасно понимал, что после случившегося оставаться здесь мне было нельзя, хорошо ещё, что не успел вручить квартплату за месяц вперед, могла бы и не вернуть.

– Зря ты нас не послушал, – сказали ребята, – у них тут это в порядке вещей. Куда теперь пойдешь, вечер уже?

– Пойду в общежитие, попробую там переночевать.

Возвращаться на старую квартиру мне не хотелось. Парни помогли мне дотащить чемодан и спортивную сумку до дверей нашей общаги. Я попросил кого-то из проживающих вызвать Виктора, и он вскоре спустился со своего пятого этажа. Выслушав мою героическую эпопею, он, оставив меня, вернулся в свою комнату, чтобы переговорить с ребятами.

– Порядок, братва не против, – объявил он, появившись вновь, – поживешь у нас какое-то время, пока не подыщешь хату.

Витька взял мои вещи и потопал с ними к себе, а я стал ждать момента, когда в прихожую общежития ввалится хотя бы несколько человек одновременно, чтобы затесаться среди них и прошмыгнуть мимо вахтёра – больно уж вредный дядька сегодня стоял на воротах. К ребятам я попал весьма вовремя, как раз на ужин. Мне налили миску приготовленного дежурным по комнате горячего, наваристого борща, но не мясного, а из консервов «Бычки в томате» – потом и я научился его готовить, получалось дёшево и сердито! Перед тем как отойти ко сну, мне расстелили в узком проходе между двумя кроватями откуда-то взявшийся продавленный матрас, бросили подушку и тонкое казенное одеяло. Так я и жил нелегально около двух месяцев, всякий раз исхитряясь преодолевать вахтеров, зорко следивших за тем, чтобы в общежитие не проникали посторонние.

Кроме Виктора, в комнате проживали ещё трое: Ваня Степанов, добродушный парень лет тридцати с изрядной примесью бурятских или якутских кровей, вследствие чего после выхода фильма «Белое солнце пустыни» получивший шутливую кликуху Саид, (хотя тот, киношный его тезка был, по-видимому, среднеазиатом, а никак не бурятом!); Федя Пшеничный, в 1962 году принимавший участие в качестве рядового срочной службы в походе наших кораблей с переодетым в штатское платье десантом на Остров свободы во время знаменитого, чуть не закончившегося мировой войной Кубинского кризиса, и Николай Моторин, тоже тертый калач, несколько лет до поступления в институт проработавший на шахте участковым механиком.

Только один Виктор был среди них, как и я, салагой, но он пользовался у наших старших по возрасту товарищей большим авторитетом – как боксер, чемпион и вообще волевой человек. Саиду, который пока, правда, ещё не обзавёлся этим, позже накрепко приставшим к нему псевдонимом, на летней практике крупно не повезло. На шахте, в свое время направившей его на учебу, где он нынешним летом, как и мы, проходил практику, а точнее, просто вкалывал в лаве, так как в годы предыдущей работы напрактиковался достаточно, ему куском отвалившейся породы сломало ногу в бедре.

На общее собрание группы накануне первого сентября он явился на костылях, как всегда добродушно улыбаясь и шуря свои без того узкие бурятско-якутские глазки. Он был невысокого роста, худой, как шепка, и курил одну за одной папиросы «Беломор». Не могу объяснить почему, но Ваня обладал какой-то магической, сверхъестественной притягательной силой для женщин, причем любого возраста – от едва достигших совершеннолетия до почтенных матрон-пенсионерок! Сейчас бы это назвали невероятной харизмой. Даже со сломанной ногой, по самый пах закованной в гипс, передвигаясь на костылях, он умудрялся совращать женщин. Нет, скорее они совращали его! Причем происходило это где придётся: в комнате общежития, пока все находились на занятиях; на общей кухне пятого этажа, разумеется, ночью; в парке на лавочке, расположенной в укромном месте. Это было непостижимо! Он никогда не распространялся о своих победах, но мы же всё видели, всё это происходило на наших глазах, за исключением завершающего этапа, конечно. Хотя, случалось, и за этим занятием его заставляли.

Впоследствии с Ваней мы очень сдружились. Но судьба его сложилась печально. После окончания института он каким-то образом сумел не поехать в свое Забайкалье, а получить распределение в наш советский Эльзас с Лотарингией. Здесь быстро пошел в гору, вырос до главного механика шахты. Но в рабочем городке, где они проживали с женой, его супруга, до этого работавшая официанткой в большом ресторане, скучала, чувствовала себя неуютно в непривычной среде и всё время тянула его обратно, в громадный город, где мы когда-то учились в вузе, а она занималась своим привычным делом. И он дрогнул, поддался на её уговоры. Это, конечно, была роковая ошибка. В городе он работал в каком-то жэке, с тоски запил, потом начались проблемы со здоровьем, он неимоверно располнел и через несколько лет умер во сне от остановки сердца. Но всё это произойдет ещё не скоро. Пока же мы все дружно жили в тесной комнате студенческой общаги и, что называется, в ус не дули. Однажды, в самый разгар семестра, ко мне в аудитории подошел староста группы Толмачев и сказал:

– Дмитрий, зайди в деканат, ты им зачем-то нужен.

Ничего хорошего такой вызов не предвещал, хотя старых «хвостов» у меня не имелось, с текущей успеваемостью тоже всё было в порядке, в пропусках занятий не уличён, что же тогда? Но в деканате меня неожиданно обрадовали:

– Вот направление в общежитие, – сказал зам декана Прохоров. – Идите к коменданту Копытину и вселяйтесь.

Это была по-настоящему хорошая новость, заканчивались мои нелегальные мытарства, да и ребят я все же стеснял. Через десять минут я уже входил в кабинет Копытина. Этот

довольно невзрачный человек с длинным, хрящеватым носом и внимательным взглядом маленьких глаз обладал странной манерой камуфлировать свою лысину остатками волос, растущими по бокам головы. Он зачесывал их от одного уха к другому, очевидно полагая, что таким образом ему удастся скрыть полное отсутствие волосяного покрова посередине. Комендант общежития долго испытующе разглядывал меня.

– Жить будете на третьем этаже, в комнате... – он назвал номер. – Ребята там неплохие, правда, не с вашего факультета.

– А нельзя ли с кем-то из группы или хотя бы с моего потока?

– Увы, – он развел руками, – всё занято, может, впоследствии что-то придумаем.

Он замолчал, опять бросив на меня испытующий взгляд.

– Вот что, Дмитрий, у меня к вам будет небольшая просьба, так, ничего особенного. Вы же понимаете, какое вам оказали доверие, предоставив общежитие, по цензу-то вы не проходите?

Честно говоря, пока я не очень понимал, к чему он клонит.

– Видите ли, мы были бы вам признательны, если бы вы иногда сообщали нам, то есть мне, чем живут ваши соседи по комнате, какие у них интересы, о чем они разговаривают между собой, ну и всё такое прочее. Это же не трудно, правда?

Я стоял перед ним, хлопая глазами и мало что понимая, а он смотрел на меня с легкой улыбкой. Я уж было подумал, что он просто шутит. Но нет, комендант не шутил. Истолковав мое ошарашенное молчание как согласие, он вымолвил:

– Вот и ладно, я в вас и не сомневался! Идите, устраивайтесь, я сейчас кастаньянше скажу, чтобы выдала вам постельные принадлежности.

Я сходил за матрасом, подушкой, простынями и одеялом, отнес всё в свою новую комнату. Там никого не было, ребята находились на занятиях. По пути в институт до меня, наконец, отчетливо дошло, что именно мне предложил комендант: стать сексотом, тайным доносчиком! Меня сразу бросило в пот. Надо было что-то немедленно предпринимать, но что? Я дождался, пока прозвучит звонок и из аудитории вывалят однокашники, отыскал в толпе Виктора, Ваню, ещё кого-то, уже не помню, и сказал им, что есть очень важное сообщение, настолько важное, что не грех и лекцию пропустить! Здесь, в стенах института, я ничего им рассказать не могу, только на улице. Мы вышли на бульвар Бомарше, дошли до Бастилии, потом по бульвару Бурдона спустились к реке. Сена медленно несла свои мутные воды, по ней плыли какие-то щепки и обрывки бумаги. Я рассказал товарищам всё и спросил совета, как мне теперь быть?

– Придушить его, гада, мало, – вымолвил Витька. – Он мне, сука, всегда не нравился!

– Ты, это, не паникуй, – попытался меня успокоить будущий Саид. – Может, всё ещё обойдется.

– Как это обойдётся? – не понял я. – Он, что, забудет, что ли?

– Ну, знаешь, всякое бывает.

– Хорошо, что ты нам сразу всё рассказал, – похвалил меня Виктор, – представляешь, если бы это когда-нибудь выплыло!

– Сам о том же подумал. Но делать-то мне что?

– Значит так, – сказал Виктор, – будешь молчать, как рыба! К нему не ходи, а если вызовет – скажешь, что ничего такого за ребятами не замечал, ведут себя, как все, никаких подозрительных разговоров и телодвижений.

– А что он, вообще-то, имел в виду? – задал Ваня закономерный вопрос. – Какие такие разговоры его интересуют, он не сказал?

Я пожал плечами:

– Анекдоты, наверное, политические, про Брежнева там и других.

– Да их все рассказывают, подумаешь, невидаль, – отрезал Витька. – Тут, наверняка, что-то другое. Кто там с тобой живет?

– Не знаю пока, ещё не успел познакомиться.

Мы покидали в Сену камешки и тем же путём вернулись обратно.

Вечером я познакомился со своими соседями. Одного из них, Андрея, я знал, он был из того же городка, что и я. Неплохой, между прочим, теннисист. Двое других приехали из нашей шахтерской Лотарингии. Валерка, как только пришел с занятий, сразу надел наушники, он не мог обойтись и десяти минут без поп-музыки, которую ловил по своему переносному приемнику VEF-12 рижского производства. Третий, Павел, показался мне несколько флегматичным, внутренне сосредоточенным молодым человеком. Он был выше меня примерно на голову и значительно тяжелее, монументальнее, что ли. В нем напрочь отсутствовали присущие нашим годам подвижность, лёгкость и гибкость. Казалось, если он случайно сядет на уже занятый кем-то стул, то даже не почувствует этого, а несчастный, по какой-то причине придавленный Павлом, никогда не сможет выбраться из-под него и будет непременно расплюсчен.

– Значит, ты наш новый сосед? – с наиграно угрожающими нотками в голосе поинтересовался этот грациозный юноша и расплылся в доброй улыбке, которая как бы компенсировала всю его внешнюю суровость. – А мы рассчитывали, что кого-нибудь с потока поделят.

Я развел руками, дескать, такова се ля ви! Жили мы в принципе дружно, как-то находили общий язык. Да нам и нечего было делить. Никаких политических анекдотов никто не травил, и я, несмотря на все мои тревожные ожидания вызова к коменданту, успокоился и начал уже забывать о том неприятном разговоре с ним. Валерка, когда не спал, тут же нырял в наушники и мало обращал внимания на окружающих. Андрюха приходил в комнату только на ночь, где он пропадал все остальное время – тайна, покрытая мраком.

Павлик же вел размеренную, осмысленную жизнь, рано вставал, делал зарядку, спускался в буфет, чтобы позавтракать и всегда вовремя уходил на занятия. Казалось, у него не было отрицательных черт характера, за исключением одной – полнейшего отсутствия чувства юмора! Как-то раз он спросил у меня, как там сегодня пиво, на «кафедре автоматике»? И я, вспомнив свое совместное проживание с медиками и их своеобразный юмор, ответил: «Пиво *пенистое*, извини за латынь!» Андрей с Валеркой заржали, правда, до них тоже не сразу дошло. А Павел так и не понял, в чем была фишка, даже тогда, когда мы ему всё растолковали.

6

Так прошло несколько месяцев. Очень радовало, что Копытин забыл обо мне. То ли он, будучи проницательным человеком, понял, что толку от этого парня, то есть от меня, всё равно не добьёшься, то ли иная какая причина была, только после того памятного разговора при поселении в общежитие он больше ко мне со своей просьбой не обращался. Скорее всего, всё объяснялось довольно просто. В числе тех ребят, которым я в день своей злополучной встречи с комендантом поведал о его гнусном предложении, был один наш сокурсник, между прочим, прекрасный товарищ, входивший в число моих близких друзей. После окончания института он совсем немного поработал по специальности, затем был направлен в школу КГБ – а туда, как известно, кого попало не направляли – и, окончив её, стал штатным работником этой серьёзной организации. Кто-то мне потом рассказал, что он ещё со студенческих пор сотрудничал с органами, то есть, попросту, был стукачом. Думаю, именно он и сообщил куда следует, что не стоит рассчитывать на меня, какой от него, дескать, толк, если сразу же всё выболтал друзьям-товарищам. И от меня отстали. Спасибо ему большое за это!

Но вернёмся в тот злополучный день, незадолго до зимней сессии, который чуть не сломал мне и Виктору жизнь. Странное дело, я совершенно не помню, из-за чего у нас с Пашкой тогда произошла словесная перепалка, переросшая в ссору и мордобой. Возможно, я сказал ему что-то обидное или он со свойственной ему ехидцей перешел какую-то грань. Короче, мы кинулись друг на друга с кулаками. Правда, успели обменяться всего двумя-тремя ударами, после чего он подмял меня своей монументальной фигурой, прижал всем весом к полу, так что я не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Наконец, этот, рухнувший на меня шифоньер, приподнялся, из его носа мне на лицо капала кровь.

Я высвободился, встал на ноги. Валерка с Андреем в нашу разборку не вмешивались, не пытались разнять, просто лежали на своих койках и смотрели на нас круглыми глазами. То ли опасались, что перепадет и им, то ли соблюдали правила дворового этикета, не позволявшие проявлять миротворческие инициативы тем, кого об этом не просят. Итак, я встал, вытер чужую кровь с лица и взглянул на себя в зеркало. Под глазом уже наливался синяк, челюсть слегка побаливала – знакомое ощущение, хотя драться мне приходилось в общем не часто.

А вот во рту что-то было не ладно. Я провел языком по верхним зубам и почувствовал пронзительную боль. На месте переднего верхнего зуба ощущалась непривычная пустота. Почему-то вспомнилось его латинское название: *dens incisivus medialis* – медиальный резец, видно крепко застряли в мозгу штудии моих бывших соседей-медиков! Так вот, этот самый резец отсутствовал практически полностью! Из оставшегося жалкого обломка, словно ярко-красная нитка выглядывал кровоточащий нерв. Я попробовал было втянуть ртом воздух, но меня опять пронзила невыносимая боль. Пашка лежал на койке, запрокинув голову и пытаюсь остановить кровь, текущую из разбитого носа. Затем встал и пошел в сортир умываться. Я почувствовал легкую дурноту – в комнате было жарко натоплено, душно. Нужно было побыть на воздухе. Я оделся и вышел. В дверях общежития столкнулся с возвращавшимся из спортзала Виктором.

– Что с тобой? – удивлённо спросил он. – Ты что, с дуба рухнул или с кем-то подрался?

– Угадал, – сказал я, – подрался, с Павлом.

– Из-за чего это вдруг, на тебя не похоже?

Он кинул возле вахтера свою спортивную сумку, и мы прошли по бульвару. Я рассказал ему, как все было. Виктор помолчал, подумал и заключил:

– Это так оставить нельзя, зуб есть зуб, вот ведь, сволочь!

Мы вернулись в общежитие, поднялись в Витькину комнату. Он снял пальто, пиджак, взял что-то из тумбочки и положил в карман брюк:

– Пошли...

В моей комнате все трое парней валялись на койках. Валерка, как обычно, в наушниках слушал музыку, Андрей листал какой-то учебник. Пашка лежал на спине, закрыв голову полотенцем.

– Вставай, – сказал ему Виктор, – что же ты, гад, натворил!

Пашка резко поднялся, его лицо стало бледно-серым, как наши казенные, застиранные простыни, под носом ещё виднелись следы запекшейся крови. Ни слова не говоря, Виктор нанёс ему удар левой в челюсть. Пашка пошатнулся, но устоял. У них были примерно равные весовые категории, только Виктор-то – чемпион, хорошо тренированный малый, а Пашка, хоть и внушительный здоровяк, но медлительный и грузный, словом, шансов у него не было никаких! Он вскинул руки, ещё пытаясь защититься, но второй Витькин удар довершил начатое дело. Ноги у Пашки подкосились в коленях и он, словно огромный мешок с картошкой, рухнул на пол. И тут Витька зачем-то достал из кармана нож с откидывающимся лезвием, и поднес его к Пашкиному лицу, пригрозил:

– Смотри у меня, не балуй, а то хуже будет!

И мы вышли из комнаты. Весь вечер мы обсуждали с ребятами в Витькиной комнате произошедшее. В нашей среде, конечно, время от времени случались какие-то эксцессы, бывало, дело заканчивалось и потасовками. Но на этот раз всё обстояло иначе, к тому же ещё этот нож! Меня не покидало тягостное предчувствие. Я вернулся к себе глубокой ночью. Ребята спали, Павла на месте не было.

С утра я пошел к стоматологу. Он удалил мне нерв, зацементировал образовавшийся в остатке зуба канал. Теперь через несколько часов можно будет осторожно поесть. В аудитории ко мне подходили ребята, разглядывали синяк, кто шутил, кто выражал сочувствие. Нельзя было скрыть и то, что случилось с зубом. Я увидел Виктора, он сидел на своем обычном месте, был мрачен и зол. Мы пожали друг другу руки.

– Плохие новости, – сказал он мне. – У Пашки сломана челюсть! Уже в деканате знают, тебя тоже разыскивали.

– Где сейчас Пашка?

– У врача, там ему что-то делают, что при переломах положено.

Чтобы не привлекать внимание однокурсников к своим персонам, мы ушли с занятий.

– Пойдем к тебе, посмотрим, может, уже вернулся, – предложил Виктор.

Павел был в комнате один. Он лежал на кровати, отвернувшись к стене. Услышав, что мы вошли, никак на это не прореагировал.

– Паш, я не хотел, – сказал Витька, – кто же знал, что всё так получится. Ты, это, прости, если можешь.

Павел продолжал молча лежать.

– Что, очень больно? – не зная, о чем ещё спросить, сочувственно вымолвил Виктор.

Пашка, наконец, повернулся в нашу сторону, затем сел. Говорить он не мог, его верхняя и нижняя челюсти были стянуты специальной стоматологической проволокой, пропущенной через просверленные между зубами отверстия – так в медицине фиксируются челюстные переломы. Он пытался произнести какую-то фразу, но мы ничего не могли разобрать, сплошное мычание. Тогда он поднялся и написал на бумажке: «Буду подавать на вас в суд». Витька изменился в лице, как, наверное и я, мгновенно сдулся, стал даже ниже ростом. Он вообще был паникером, быстро терял самообладание даже в менее критических ситуациях, что совсем не вязалось с его мужественной внешностью и сложившейся репутацией чуть ли не супермена. Если честно, мы с ним в этот момент были просто раздавлены. В тартарары летело всё: институт, сложившийся образ жизни, а может быть и свобода! Разговаривать с Павлом больше, в сущности, было не о чем. Мы вышли из комнаты, спустились вниз. Вахтер пере-

дал нам записку с просьбой немедленно зайти в деканат. Зам декана Прохоров, расспросив нас обо всём подробно, попросил написать о случившемся на бумаге. Мы написали.

– Что теперь с нами будет? – спросил Виктор.

– Не знаю, – сказал Прохоров, – думаю, из института исключат, из комсомола тоже.

Остальное будет зависеть от пострадавшего, как он себя поведет.

Повисла тяжелая пауза.

– Он-то ведь тоже пострадавший, – наконец выдал Витька, указывая на меня.

– Вот и не надо было тебе вмешиваться, пусть бы сами разбирались. А ты ещё с этим ножом...

Потом последовал вызов в институтский комитет комсомола. Его секретарь Яша Шведов, выслушав нас, заключил:

– Значит так, мы не будем бежать впереди паровоза, что-то предпринимать в отношении вас. Подождём, что решит ректорат, в зависимости от этого и поступим.

Что ж, и на том спасибо! До конца дня мы слонялись по городу, обсуждали различные варианты своих действий в создавшейся ситуации, но как ни крути, выходило, что кругом виноваты именно мы с Витькой.

– Вот сейчас возвратимся в общагу, а там уже нас с тобой менты поджидают, – промолвил мой друг как-то совсем уж обреченно.

– Ну, это ты чересчур хватил, что мы, бандиты какие, чтобы нас под арест сразу брать.

– Главное, посоветоваться не с кем, кто бы мог подсказать, как в нашей с тобой ситуации правильно поступить. Должен же быть какой-нибудь выход?

– Ты же слышал, Прохоров сказал: все теперь зависит от Пашки. Надо с ним договариваться.

Витька на миг оживился:

– Ты прав, это единственный выход! Но он даже говорить с нами не хочет!

– А нож-то твой где? – спросил я у него.

Виктора аж передёрнуло.

– В сортир выбросил!

– Зря, надо было в Сёну.

– Да я сам не свой был, хотел поскорее от него избавиться, раскурочил и утопил в ватер-клозете.

– Если захотят – найдут!

– Да какая разница, найдут или нет! Свидетелей столько было: Андрюха, Валерка, ты... Черт меня дернул вытащить его!

– Ладно, чего уж теперь головой биться об стену. Давай думать, как выпутаться из ситуации.

И мы, по которому уже кругу, принялись искать выход из случившегося.

На другой день из маленького шахтерского городка, расположенного на западе Лотарингии, приехала Пашкина мать. С нами она встречаться не стала, сразу пошла в деканат, ректорат и куда-то там ещё. Мы понимали, её приезд должен решить многое. Время шло, а в отношении нас с Витькой пока никаких мер не предпринималось, и эта неопределенность, пожалуй, была мучительнее всего! Учеба была заброшена, на лекции и практические занятия мы не ходили, было невыносимо ловить на себе сочувственные взгляды товарищей. Кое-кто вообще смотрел на нас, как на обреченных, чья песенка спета. Да мы и сами, сказать по правде, думали так же. До сессии оставалось всего ничего, но предстоящие экзамены нас уже как бы и не касались: мы, в общем, не сомневались, что нас, как минимум, попрут из института. Больно было сознавать, как такое перенесут родители! Я представлял мать и отца, это известие их, конечно, убьет! Поэтому первый порыв – рассказать им всё о том, что случилось, я в себе решительно задавил. Буду молчать до последнего, пока не вынесут окончательный приговор. Ну а потом, никуда

не денешься, придется признаться. Но пусть это будет как можно позже. Витька решил поступить примерно так же. Всё приходилось держать в себе.

Через несколько дней с нами захотела встретиться Пашкина мать. Она попросила прийти к ней в гостиницу. Можно представить, что мы испытывали, отправляясь на это randevу! Вместе с ней в номере находился Павел. Его мать сухо с нами поздоровалась и без всяких предисловий и обвинений в наш адрес сказала:

– Мы с сыном решили пока в суд не обращаться. Я также попросила ректора повременить с вашим отчислением из института, возможно, оно и не потребуется.

Мы с Виктором переглянулись, не поверив своим ушам. У меня от волнения даже перехватило дыхание: что это, шутка?

– Но не спешите радоваться. Вы видите, в каком состоянии мой сын, как он будет сдавать экзамены, как справится с такой нагрузкой? – она посмотрела на него и продолжила: – И в этом виноваты вы! Нам предложили взять академический отпуск, но мы решили поступить по-другому. Словом, если вы поможете Павлу не завалить эту сессию, мы подумаем, что с вами делать дальше.

Я ощутил в горле ком, не хватало ещё сейчас разрыдаться. Я видел, что Витька тоже близок к этому.

– Конечно, конечно поможем! – горячо заверили мы, понемногу справляясь с волнением.

В ту минуту я даже не думал о том, как это мы сможем ему помочь. Что, совместно зубрить сопромат или детали машин будем?

– Попробуйте поговорить с его преподавателями, чтобы проявили сочувствие, подошли к экзаменам неформально. В общем, проявите инициативу!

Мы снова заверили, что сделаем для Пашки всё возможное и невозможное. На том и распрощались с потерпевшим и его мамой. Весь следующий месяц мы только и делали, что встречались накануне зачетов и экзаменов с Пашкиными преподавателями и уговаривали их поставить ему, как бы авансом, положительную оценку, а потом, как только сможет, он пересдаст. Ничего не утаивая, не перевирая, мы излагали преподавателям нашу злополучную историю, просили, умоляли пойти нам навстречу и, вы не поверите, ни разу не получили отказ! Такое всеобщее сочувствие потрясло, казалось невероятным. Но все было именно так. Конечно, ни о какой нормальной подготовке к собственным экзаменам не могло быть и речи. Листать конспекты приходилось урывками, все наши силы были отданы Павлу. Но, как ни странно, и мне, и моему другу каким-то чудом удалось не завалить эту сессию. В самых критических ситуациях приходилось и своим преподавателям объяснять, почему не смогли должным образом подготовиться к экзамену. И также встречали понимание и сочувствие, всякий раз уходили из аудитории с положительной отметкой в зачетке.

На короткие зимние каникулы мы с Виктором по домам не поехали, сообщив родителям, что якобы устроились на кафедру лаборантами. Когда-то, до всех этих событий, у меня действительно было такое намерение: многие наши ребята подрабатывали подобным образом, что давало неплохую прибавку к стипендии. Пашка же отбыл на свою малую родину довольный, все экзамены и зачёты были сданы, брать академотпуск не требовалось. Через неделю после его отъезда я получил письмо от его матери. Почему-то оно было адресовано мне, а не Виктору. Она писала, что всё обдумав, они с сыном решили не ломать нам судьбы, ибо мы проявили порядочность, сдержали данное слово и сделали всё, чтобы помочь Павлу. «Вы, конечно, совершили непростительную ошибку, но пусть вам это станет уроком на всю вашу жизнь! Всегда думайте, прежде чем что либо сделать». Далее шла приписка: «Я попросила руководство института не предпринимать в отношении вас суровых мер и, думаю, моя просьба будет учтена»...

Никаких мер в отношении нас, действительно, не последовало. Даже выговора по комсомольской линии не объявили. Почему с нами обошлись столь либерально, я узнал лишь спустя много лет.

– Знаешь, почему вам тогда всё сошло с рук? – спросил меня как-то один из бывших комсомольских функционеров областного масштаба, в период описываемых событий курировавший наш институт.

И он рассказал мне следующее. Оказывается, мать Павла была из тех, ни с чем не согласных, кто тогда начинал всё активнее заявлять о себе. Состояла в какой-то организации националистического толка, ратовавшей за отделение этой огромной прекрасной провинции нашей страны, раскинувшейся на многие тысячи квадратных километров по обе стороны от Сены, с её бесконечными полями подсолнечника, с вишнёвыми и яблочными садами, с нашим Эльзасом и Лотарингией на востоке и покрытыми лесом горами на западе, с теплыми морями на юге, с городом, где мы учились и жили, с десятками других городов и сёл, со всеми народами и народностями, её населявшими. Она выступала за отделение этой благодатной провинции от нашей великой, протянувшейся от Балтики до Тихого океана единственной и неповторимой страны, каких никогда раньше на земном шаре не существовало и которую в конце концов людям, в том числе, и подобным ей, все-таки удалось развалить! При нашем попустительстве, конечно. Павел же, как предполагалось, не мог не разделять взглядов матери.

– Вот и преподнесли тогда ваше рукоприкладство как реакцию здоровых студенческих сил на проявление враждебной, националистической идеологии, – сказал мне бывший комсомольский функционер.

Не знаю, так ли это было на самом деле, только тогда всё встаёт на свои места! Становится ясно, почему в качестве платы за предоставление общежития из меня пытались сделать осведомителя! Коменданта интересовал не кто-нибудь – Павел! Так вот политика порой вторгается в нашу жизнь, даже если ты и не подозреваешь об этом.

7

Мы с Виктором постепенно оправлялись от многодневного стресса. Приехав с каникул, я переселился в комнату к Витьке – там освободилось место после того, как заваливший сессию Слава Пшеничный взял академический отпуск. О случившемся мы предпочитали не вспоминать. Окружающие, хорошо понимавшие это, тоже проявляли тактичность, никто не лез с расспросами и неуместным сочувствием. Разве что кое-кто из преподавателей, знавших нашу историю, время от времени интересовался, чем всё закончилось. С Павлом мы пересекались редко, стараясь не попадаться на глаза друг другу, благо, что учились на разных факультетах. Приходили в порядок и существенно разболтавшиеся нервы.

От Зои уже давно не было писем. Во время всей этой кутерьмы с Павлом мне было как-то не до душевных самокопаний, все другие проблемы отодвинулись далеко-далеко на периферию сознания и казались мелкими, несущественными. Конечно, оставайся у нас с ней всё по-прежнему, я, может быть, и старался бы найти у Зойки моральную поддержку и утешение, которых мне тогда так не доставало. Но, судя по её последнему письму, у моей дорогой подруги возникли свои жизненные сложности, вникать в которые я не собирался. Потому как был уверен, что виновником их является кто-то третий, так сказать, мой соперник. А раз так... На сей счет у меня имелся незыблемый принцип: никому никогда себя не навязывать! Если мне предпочли кого-то другого, что ж, значит, так тому и быть! Насильно мил не будешь. Что-то исправить, вернуть в прежнее состояние нельзя. Это всё равно, что пытаться склеить разбившийся сосуд: след в любом случае останется и со временем будет только всё более заметен. Для меня же любой, даже самый мелкий изъян во взаимоотношениях, представлялся неприемлемым. Конечно, в этом сказывался юношеский максимализм, но и с возрастом я не стал думать иначе. Виктор со мной не соглашался, он, естественно, придерживался другого подхода:

– Поезжай в Москву, разберись там, на месте, что происходит, дай отлуп тому, кто подгребает к Зое.

– Ему-то, допустим, я дам, как ты говоришь, отлуп. Ну, а как же Зоя? Что, тут же разлюбит его и вновь переключится на меня?

Но для Виктора такого вопроса не существовало: стерпится – слюбится, так кратко можно было охарактеризовать его подход к столь щекотливому предмету человеческих взаимоотношений. И пытаться втолковать ему что-то иное было бесполезно, ибо он придерживался прямо противоположного принципа: сила солому ломит! В чем он, однако, был прав, так это в том, что следовало иметь полную ясность о происходящем. И я, преодолев гордыню, написал Зойке письмо, в котором прямо задал вопрос: я или кто-то другой?

Её ответ меня, в сущности, не удивил, я даже подумал задним числом, что ожидал услышать нечто подобное. «Дай мне разобраться в самой себе, не торопи, – писала Зоя. – И не вздумай приезжать, сделаешь только хуже! Я дорожу нашими отношениями, но они во многом остаются школьными, в общем-то, детскими. А ведь ни я, ни ты уже не являемся теми, кем были какой-нибудь год назад». В общем, она была права. Но удивило меня другое, то спокойствие, если не сказать равнодушие, с которым я воспринял все сказанное ею! Я не почувствовал даже тени привычного трепета, который охватывал меня всякий раз, когда я прежде читал Зойкины письма. Сейчас же, сколько я не прислушивался к себе, ничего подобного не ощущал! Да, скорее всего, она была права, школьная влюбленность осталась в прошлом и тут уж ничего не поделаешь.

Семестр закончился быстро. Сессия прошла без особых проблем, а потом началась производственная практика. На этот раз индивидуальная, а не такая, как после первого курса, когда на одну и ту же шахту нас отправилось сразу несколько групп с одного потока. Я попал на крупный горно-обогатительный комбинат, расположенный в большом промышлен-

ном городе. Меня зачислили рабочим в бригаду, состоящую главным образом из расконвоированных заключенных, видимо тех, кто не совершил серьезных преступлений. Работал я на подхвате, помогая то одному, то другому члену бригады. В основном мы производили сварочные работы – меняли изношенную футеровку барабанов рудничных мельниц. Отношения с эками и с бригадиром – Иваном Фогелем, видимо, из немцев, многие поколения которых жили в нашей стране, сложились хорошие. После работы, когда спадала жара, мы с одним-двумя «вольными» бродили по городу, по его паркам и площадям, в выходные заглядывали на рынок, где прямо из деревянных бочек торговали на разлив красным вином. Из других развлечений мы предпочитали, пожалуй, только кино.

Время летело быстро. Незадолго до окончания практики со мной произошел курьезный случай, который, несмотря на его незначительность, я почему-то запомнил на всю жизнь. Это, кстати, опять об избирательности нашей памяти! На комбинат, кроме как через проходную, можно было попасть и по железнодорожным путям, там тебя никто не останавливал, требуя пропуск. В обеденный перерыв трое эков вручили мне деньги и попросили потихоньку, чтобы не видел Фогель, сходить в магазин за бутылкой водки. Я подумал, почему бы не сделать ребятам одолжение, портить отношения с ними мне не хотелось. К тому же особого криминала тут не было, подумаешь, одна бутылка на троих здоровенных бугаев!

Сказав бригадиру, что пойду прогуляться, я потопал по шпалам за пределы комбината. Купив водку, сунул её под спецовку за пазуху и, придерживая рукой, посвистывая, направился обратно. Уже подходя к цеху, споткнулся о шпалы и с ужасом почувствовал, как бутылка выскользнула у меня из-под руки. Словно в замедленной съемке я увидел, как она падает доньшком вниз, прямехонько на ржавый рельс. Со звоном, показавшимся мне ударом молота о наковальню, бутылка разбилась вдребезги! Я стоял, не зная, что делать. Идти обратно? Но у меня не было денег, они находились в моем шкафчике в бытовом помещении, до которого не так-то просто было добраться. Оттуда к месту работы нас по утрам развозил служебный автобус. Пешком туда топтать и топтать, а ведь потом ещё надо снова идти в магазин.

Перерыв между тем кончался, и надо было что-то решать. Я вернулся в бригаду. Там уже всю кипела работа. Фогель посмотрел на меня и укоризненно покачал головой – из-за опоздания. Пославшие за водкой мужики поглядывали вопросительно. Выбрав момент, я рассказал им о случившемся. Не знаю, поверили они мне или нет – эки народ недоверчивый – но оставшиеся дни я проявлял повышенную осторожность. Особенно в тех случаях, когда мне, стоящему в течке мельницы, те же эки должны были сверху подавать двухпудовый футеровочный блок из стали Гадфильда, предназначенный для замены изношенного. Не удержат, упустят, а отскочить-то некуда, слишком мало места! Но, как видите, все обошлось, и я через несколько дней отбыл домой к родителям с полным карманом заработанных денег и справкой, заверенной главным инженером комбината, в которой было написано, что я успешно прошел производственную практику.

Однако дома я долго не задержался. Родители, ничего не подозревавшие о моих злоключениях в институте, подарили любимому сыну в знак успешного окончания второго курса двадцатидневную путевку в наши родные Альпы – на турбазу, расположенную в горах. Это стало одним из ярчайших моментов всей моей жизни! Такого обилия впечатлений на мою долю до сих пор не выпадало. Но главное, здесь по невероятному стечению обстоятельств я познакомился с Юлькой, которая, только представьте, как оказалось, училась со мной в одном институте, правда, на курс ниже и на другом факультете, но жили мы с ней в одном общежитии! Почему я ни разу её там не встретил – одному Богу известно! Это только кажется, что самые невероятные вещи описываются исключительно в книгах. Ничего подобного, они происходят именно с нами, в реальной жизни, в чем я впоследствии убеждался не раз!

Я увидел её на открытой танцплощадке в первый же вечер моего пребывания на турбазе. Было ещё не поздно, и она пришла с какой-то девочкой лет шести-семи. Они с ней танцевали,

смеясь и дурачась, под пиратскую запись Рэя Чарльза «Hit The Road Jack» и, казалось, не замечали никого вокруг. А окружающие, наоборот, останавливались и глазели на них, так здорово у этой парочки всё получалось! Когда музыка закончилась, я подошел к ним.

– Потанцуем? – обратился я к той, что постарше.

– Сейчас, отдышусь немного, – сказала она просто, – устала! Разве за Машкой угонишься!

Девочка радостно засмеялась:

– Танцуйте, я скоро вернусь.

Мы постояли еще немного и когда Пол Анка затянул свою нудную «Your Love», пошли танцевать.

– Это что, ваша дочка? – ничего не придумав лучшего, поинтересовался я с претензией на остроумие.

– Не угадали, внучка! – в тон мне ответила она.

– Хорошо сохранились, – выдал я очередную банальность.

Она посмотрела на меня и ничего не ответила. Мы медленно двигались в танце под паршивую магнитофонную запись. Увидев её танцующей с девочкой, уж простите меня за целый набор трюизмов, я был сражен наповал её физическим совершенством: идеальным овалом лица, слегка вздернутым носиком, немного капризным изгибом губ, вьющимися русыми волосами и каким-то лучистым сиянием, исходившим из глубины её темно-серых глаз. Ей не хватало разве что росточка, но этот небольшой недостаток сглаживался прекрасным спортивным телосложением девушки: одновременно изящным и, как казалось, таившим в себе немалую силу. Она, несомненно, уже тогда заметила мой восхищенный взгляд, но виду не подала, только чуть дрогнули уголки её губ, да взгляд приобрел нарочито рассеянное выражение.

– Юля, Юля, – закричала девочка, – мама зовет!

– Сейчас, пусть подождёт минутку!

– Вот, – сказал я, – теперь знаю, как вас зовут. А мое имя – Дима, то есть Дмитрий, но можно и Митя, как вам больше нравится.

– А вам?

– Мне всё равно, я ко всему привык, меня и Митяем ещё называют, и Димоном, и даже Митричем.

– Хорошо, пусть будет – Митя, простенько и со вкусом. – Знаете, мне надо проводить подругу, посадить её на автобус, если хотите – пойдемте со мной.

Мы прошли в гостиничный вестибюль. Там уже собрались отъезжающие, каждый со своим багажом, кто-то с детьми. Я поздоровался с молодой женщиной, матерью девочки Маши, назвал свое имя. Она назвала свое. Тут все засуетились, увидев через стеклянную дверь, что подкатил автобус, отправлявшийся в аэропорт. Я взял их чемодан и сумку и пристроил в багажный отсек.

– Ну, будем прощаться! – сказала её подруга.

Они расцеловались, Юля чмокнула в щеку девочку:

– Счастливого пути, я скоро следом за вами.

– Юля, на танцы идешь? – поинтересовались какие-то проходившие мимо нас парни.

Она вопросительно посмотрела на меня.

– Как хотите, – сказал я ей, – можно и потанцевать. А где живет ваша подруга?

Юлия назвала город, где я учился. Парни ушли, не дождавшись ответа.

– И вы там же? – спросил я.

– Я там учусь, в горном, на экономическом, а живу в общежитии.

– Вот это да! А я там в этом году закончил второй курс мехмаша.

– И конечно живете в общежитии номер один!

– Точно! Нет, кроме шуток! Не верите? – я назвал фамилию декана.

– Что-то не хочется на танцплощадку, каждый день одно и то же, надоело. У вас на весь срок путевка? – спросила она.

– Да.

– Тогда я советую записаться в тургруппу и сходить на перевал. Ничего сложного, категория очень лёгкая, не требует специального снаряжения и экипировки.

– Вы что, занимаетесь альпинизмом?

– С третьего класса, меня папа в детстве всегда таскал с собой в горы!

– А я больше море люблю. Хотя детство прошло на Урале, среди гор. Может поэтому море-то и люблю, горы – это привычное, обыденное для меня, а море – как праздник. Знаете, давайте перейдём на ты.

– Как хотите, не возражаю.

Мы гуляли по освещенной аллее вблизи гостиничного корпуса, сюда с танцплощадки доносились звуки музыки – там уже лабал какой-то местный оркестрик, исполняя все подряд из репертуара Лундстрема и Эдди Рознера.

– Ну что, до завтра, – сказала Юля, – пора спать, я что-то сегодня устала.

На другой день за завтраком я попросил пересадить меня за Юлин стол, на место её уехавшей подруги. Потом до самого вечера с перерывом на обед мы гуляли в окрестностях пансионата, болтая обо всем, что приходило в голову. Она рассказывала о своей семье, об увлечении альпинизмом и скалолазанием, о том, какая у неё чудесная собака – белый пудель, такая же умная, как в рассказе Куприна. А вот когда речь заходила о её школьных друзьях и подругах, она почему-то сразу же замыкалась, мрачнела и старалась побыстрее сменить тему. Мне с ней было легко и интересно, и ей со мной, судя по всему, тоже. Два последующих дня у нас ушли на экскурсии, мы съездили на водопады, побывали в местном художественном музее, а вечером опять танцевали под магнитофон и скромный оркестр, в котором, кстати, играли классные старички-профессионалы.

Накануне её отъезда, утром, наскоро перекусив, мы решили прокатиться на только что построенной канатке. До нижней станции добрались на автобусе нашего пансионата. В подвесную кабину маятниковой канатной дороги народу набилось битком и нас придавили друг к другу, словно в трамвае в час пик. Я осторожно обнял Юлю, оберегая её от натиска окружающих. Она с легкой тревогой посмотрела на меня снизу вверх, что-то хотела сказать, но передумала. Мне вдруг ужасно захотелось её поцеловать, просто слегка прикоснуться губами к её чистому лбу или загорелой щеке, но я не решился на это.

Наверху было прохладно, ветрено, и Юля зябко куталась в шерстяную кофту.

– Знаешь, – сказала она, – вон там, высоко-высоко, расположен «Приют одиннадцати».

Она имела в виду наш вечно покрытый снегами Монблан, о двух сверкающих на солнце вершинах.

– Почему одиннадцати?

– Столько их было, когда они поднялись на четыре тысячи метров и разбили там первый лагерь. Только это было давно, лет пятьдесят назад! Потом на месте лагеря построили хижину, а сейчас там трехэтажная гостиница, приют альпинистов.

– Ты там была?

– Пока нет, но обязательно побываю. Его ещё в шутку называют «Отель под облаками». Там круглый год зима. Ты смотрел фильм «Вертикаль»?

– Это с Высоцким? Нет, только песни знаю все наизусть.

– Кто их сегодня не знает! Я думала, там покажут приют, не показали, не так-то просто туда добраться, особенно с аппаратурой, всё-таки больше четырёх тысяч метров над уровнем моря.

Мы стояли и любовались нашим советским Монбланом.

– Холодно, надо спускаться, – зябко передёрнув плечами, сказала Юля.

Я обнял её и на этот раз поцеловал.

– У тебя есть девушка? – спросила она.

– Была, но сейчас уже, думаю, нет.

– Куда же она подевалась?

– Никуда, просто разлюбили друг друга.

– Как все просто, оказывается!

– Да нет, не просто. Но всему приходит конец.

– Приходит конец... – задумчиво повторила она. – Как все просто.

– А в жизни всё, в общем-то, просто. Если специально не усложнять.

– Она усложняла?

– Не знаю, может быть, это как раз я усложнял. Просто отношения исчерпали себя, или встретила кого-то другого.

– Исчерпали себя, – опять повторила она вслед за мной. – Что в таком случае ощущает человек? Душевную пустоту?

– А разве с тобой такого не бывало? Я, например, никакой пустоты не почувствовал.

Мы замолчали. Сказать по правде, я ещё никогда не вёл с девушками таких серьезных разговоров. С Зойкой мы были знакомы тысячу лет, и там никаких рассуждений не требовалось, мы понимали друг друга с полуслова. До последнего времени, разумеется, пока с ней не случилось то, что случилось. А вступать с другими девушками в более близкие отношения мне тогда не позволял мой пресловутый внутренний кодекс. Да и не нужен мне был никто, кроме неё! Сейчас все изменилось, и я чувствовал, что Юлия постепенно начинает занимать в моей душе, как это цинично не прозвучит, освободившееся после Зойки место. Мы вернулись на станцию, дождались прихода кабинки, доставившей новую порцию отдыхающих, и поехали вниз. На обед мы, конечно же, опоздали.

– Давай смотаемся в город, где-нибудь посидим, перекусим, – предложил я.

В кафе, как и во всех заведениях общепита курортной зоны, было полно народу, но нам повезло, какая-то парочка, закончив трапезу, вышла из-за стола. Мы заняли её место. Напротив сидела мать с маленьким толстым мальчиком. Он все время капризничал, вертел головой, когда она подносила к его рту ложку с едой, словом, всячески выказывал своё возмущение. Наконец, так ударил мать по руке, что каша из ложки забрызгала Юльке платье.

– Знаешь, пойдём отсюда, – сказал я ей, – только настроение всё испортят.

Официант, подошедший принять заказ, оценив ситуацию, предложил:

– Садитесь вон за тот столик, видите – служебный, всё равно он пока пустует.

«Надо же, – подумал я, – и такое бывает, мир не без добрых людей!». Мы пересели. Я помог Юле оттереть с платья кашу.

– Пить что-нибудь будем?

– Это необходимо?

– В общем-то, нет. Но ты ведь завтра уезжаешь, давай выпьем за твои удачно проведенные каникулы. Нет, лучше – за нашу встречу!

– Главное – был бы повод, да?

– А ты считаешь, за это не стоит выпить?

– Не знаю, мы с тобой, между прочим, только три дня, как познакомились.

– Четыре! – уточнил я.

Я заказал бутылку какого-то местного сухого зелья, закуску, салаты. Шашлыка, естественно, в наличии не оказалось, пришлось остановиться на котлетах «по-киевски».

– Как это родители отпустили тебя одну, будь я твоим папой – ни за что бы не отпустил.

– Если бы мой папа был таким, как ты, мы бы с тобой здесь не встретились. Да и не одна я сюда приехала, а с Катей и Машкой, просто им раньше надо было вернуться домой.

– Ну, не здесь, так в институте я бы тебя все равно засек, рано или поздно.

– А если бы это случилось поздно, тогда что?

Я разлил вино по бокалам, и мы выпили по глотку.

– Тогда бы сожалел об этом всю жизнь.

– Всего-то! И не попытался бы отбить меня у кого-то другого?

– Понимаешь, отбить можно только того, кто хочет, чтобы его отбили. Вот если бы ты захотела...

– У-у, да у тебя философия!

– Да, Юленька, именно так! Есть у меня дружок, который считает иначе.

– А мне нравится твоя философия, она оставляет за женщиной право выбора.

– Право выбора всегда остается за женщиной! Это только нам, мужикам, кажется, что все обстоит наоборот. Мы можем, конечно, пыжиться, производить впечатление. Но если женщина потеряет к тебе интерес – пиши пропало! Так что важно не довести дело до этого. Иначе – пеняй на себя.

– Знаешь, есть женщины, даже среди моих подруг, которым нравится, когда подавляют их волю. Я даже думаю, что таких женщин большинство.

– Ты тоже к ним принадлежишь?

Юля задумалась:

– Честно сказать, ещё не знаю, возможно.

– Тогда я тебе сочувствую.

– Почему?

– Видишь ли, им, этим женщинам, нравится вовсе не то, что их подавляют, а что решения за них принимают другие.

По мере того, как бутылка пустела, язык мой развязывался все больше. А Юля почти не пила, так, лишь пригубливала бокал. Мне нравилось, что я говорю столь умные вещи, это должно произвести на девушку впечатление.

Когда мы вышли из кафе, на улице уже смеркалось. Мы медленно брели по аллее и молчали. Навстречу нам шли такие же праздные люди, парами и компаниями, никто никуда не спешил, откуда-то доносилась музыка. Зажглись фонари, вокруг каждого из них бесчисленным роем клубились мошки. В парке под огромным развесистым деревом я хотел было поцеловать Юлю, но она легонько меня отстранила.

– Не надо, давай не будем спешить.

Мне показалось, что она хотела сказать ещё что-то, но передумала. Возле нашего пансионата мы сели на скамеечку.

– Ты знаешь, в школе у меня был мальчик, с которым мы вначале просто дружили, а потом дружба переросла в нечто большее...

Она замолчала, как бы раздумывая, продолжать ли дальше.

– И где он сейчас? – спросил я.

– Его больше нет. Он прыгнул вниз с девятого этажа, когда узнал, что у меня появился другой.

– Неужели не было иного выхода?

– Был, наверное, но, очевидно, не для него. Знаешь, как тяжело сознавать, что ты виновна в смерти кого-то.

– В чем же твоя вина? Что полюбила другого?

– В том, что предала. Помнишь, у Данте – предатели находятся в девятом круге ада, вмёрзшие в заледенелое озеро.

«Боже! – подумал я, – и такое творится в голове девочки, которой всего девятнадцать!»

8

На другой день я поехал провожать Юлию в аэропорт. С самого утра она была грустна и сосредоточена. Большую часть пути мы молчали. Я чувствовал, что она сожалеет о том, что вчера так разоткровенничалась со мной. Мне тоже было неловко, как будто я прикоснулся к чужой тайне, которую мне вовсе не следовало знать. Но что сделано, то сделано, сожалеть об этом бессмысленно.

– В нашем городе ты не задержишься? – спросил я её. – Сразу домой?

– Да, до самого сентября теперь из дому ни шагу, надо с родителями побыть.

В аэропорту перед выходом в накопитель я обнял её, прощаясь, и она на какой-то миг импульсивно прильнула ко мне. Когда все вошли в автобус и он тронулся, я наугад помахал рукой, не видя её в окне. Потом подождал, пока самолет вырулит на полосу и взлетит. На обратном пути в пансионат у меня не выходил из головы наш вчерашний с ней разговор. Я пытался представить себя на месте того паренька, чья жизнь закончилась так нелепо. «Ну вот, – рассуждал я, – у нас, например, тоже так получилось с Зоей. И что же? Мне ведь даже в голову не пришло ничего подобного! То ли чувство было недостаточно сильным, то ли с психикой у меня все в порядке. И о каком предательстве может идти речь? Кто кого предал, я её или она меня? Чушь какая-то, детские бредни». И постарался выкинуть всю эту белиберду из головы.

За пару дней до начала занятий я первым из нашей комнаты вселился в общагу. Как мы и договаривались, уходя на каникулы: кто раньше других приезжает, тот и забивает в деканате места для остальных, что я и сделал. После обеда вселился Виктор, чуть позже – Володька Моторин. Все классно отдохнули, каждый рассказывал о своей практике, о том, как провел каникулы. Я ещё утром справился у комендантши – Копытин уже не работал, говорят, вышел на пенсию – вселилась ли Юля? Нет, она пока не приехала.

Ближе к вечеру, обустроившись и бурно приветствовав каждого вновь прибывающего сокурсника, мы решили отправиться на «кафедру автоматики» – отметить начало нового, третьего курса. Конец августа в нашем городе лучшее время года! Осенью ещё и не пахнет, но нет уже и летнего зноя, изнуряющей духоты. Воздух прозрачен и светел, листья едва начинают желтеть, кроме каштанов, которые стоят с пожелтой кроной чуть ли не с середины июня. На набережной Сены с раннего утра и до позднего вечера сидят рыболовы, таская из воды пропахших мазутом пескариков и красноперок. И для нас, кто увлекается греблей, будь то на байдарках, каноэ или, как я, на лодках академических, это тоже лучшее время. Потому что весной ещё прохладно, и тебя, разгоряченного, может запросто прохватить свежим весенним ветром; летом – жара, которая не позволяет гребцам показывать наилучшие результаты; а вот такая погода, как сейчас, самое то! На днях возобновлю тренировки!

За всей этой радостной кутерьмой я даже не успел толком поговорить с Витькой. А рассказать мне ему было о чем, так же, думаю, как и Виктору – мне. Мы с ребятами наменяли в кассе гривенников для пивных автоматов и всей компанией оккупировали два или три стола. Свежее, не разбавленное, как это часто бывает, пиво после двух кружек ударило в голову не хуже шампанского. Наша большая компашка распалась на группки по два-три человека, каждый, перебивая других, спешил поведать о чем-то своем, то здесь, то там раздавались взрывы молодецкого хохота. Чуть прихрамывая после перелома бедра откуда-то нарисовался Ваня Степанов, который, я уже говорил, впоследствии станет Саидом. Его встретили радостным воплем, Ваню все любили и уважали! Он, как всегда смущенно улыбаясь, стал рассказывать, что только недавно приехал и не знал, где нас искать. Пришел сюда наугад и вот, не ошибся.

Мы заметили, как мимо «кафедры» по аллейке бочком пробирается Станислав Витальевич, институтский преподаватель, доцент, читавший нам неорганическую химию два семестра подряд. В одной руке он держал кукан с только что выловленной плотвичкой, в другой – бидончик. Ему было неудобно предстать в таком виде перед своими студентами, хотя, конечно, вряд ли он нас помнил в лицо. Но он, видимо, очень хотел выпить пива. Собственно, бидончик и был для этого предназначен. Мы бурно приветствовали старика, усадили его за стол, подвинули кружку с пивом, накрытую шапкой из пены. Кто-то взял из его рук посудину и пошел к автомату наполнить её. Станислав Витальевич что-то пытался нам объяснить, оправдывая свою страсть и к рыбалке, и к пиву. Минуту-другую его почтительно слушали, все-таки лестно было сознавать, что с тобой за одним столом находится преподаватель, которого ещё недавно мы имели честь лицезреть лишь в аудитории и боялись как огня за то, что он мог любого из нас выгнать с экзамена, обнаружив шпаргалку.

Потом всё снова вошло в прежнее русло, на доцента уже никто не обращал внимания. Я пил кружку за кружкой и чувствовал, что пора бы остановиться. Сколько времени продолжалось всё это безобразие – сказать трудно. Уже давным-давно стемнело, Станислав Витальевич дремал, откинувшись на спинку стула, кукан с рыбой валялся у его ног. Кто-то из персонала пивнушки выключил на короткое время свет, потом снова включил, сигнализируя, что пришло время закругляться, но никто и не думал расходиться. Тогда отключили пивные автоматы. Это многих рассердило. Если бы не Ваня с Виктором, которые пользовались у всех большим авторитетом, неизвестно, чем бы все могло кончиться. Мы взяли Станислава Витальевича под руки, вручили ему кукан, бидончик и проводили до трамвая. А сами пошли в общежитие. Возле лестницы я по привычке заглянул в почтовую ячейку с номером нашей комнаты. В ней лежал конверт на мое имя. Я его вскрыл и извлек оттуда записку, в которой было всего два слова: «Я приехала». Идти к Юльке было уже поздно, и я благоразумно решил отложить нашу встречу на завтра.

– Что пишут, старик? – полюбопытствовал Виктор, когда мы пришли в свою комнату и расположились на ночлег.

У него появилось новое слово – старик, отметил я про себя. Ваня уже храпел, хотя это не совсем точно сказано. Едва коснувшись подушки, он начинал издавать пугающие стоны, всхлипывать и кричать, что трудно было назвать храпом. За лето мы от этих ночных концертов отвыкли, теперь вот придется привыкать заново.

– Ничего особенного, – сказал я. – На турбазе познакомился с одной классной девчонкой с нашего экономфака. Немного странная, правда. Сегодня вот приехала.

– Поздравляю! – сказал Витька. – А как же Зоя?

– С Зоей, я думаю – все, у неё теперь кто-то другой.

– И ты об этом так спокойно говоришь? Я бы не стерпел!

– Я знаю, но я – не ты.

– Ладно, дело твое, но я бы не смог... Знаешь, старик, я решил завязать с боксом.

– Ты что, рехнулся!

– Ну, не совсем завязать. Для себя тренировки продолжу, а выступать больше не буду, слишком много отнимает времени и сил. Надо что-то выбирать: либо – спорт, либо – профессия. Не хочу остаться недоучкой.

– Кончайте базарить, – взмолился из под натянутого на голову одеяла Моторин. – Дайте, наконец, поспать!

Мы замолчали.

– А то, что Ванька храпит, тебе не мешает? – огрызнулся Виктор.

– Мешает, но это другое дело! А к вашему разговору я прислушиваюсь и не могу уснуть.

– Ладно, завтра поговорим, – буркнул Виктор и отвернулся к стене.

Утром я первым делом отправился к Юльке. Она жила двумя этажами ниже, только в другом крыле общежития. Постучал в дверь, и она выглянула в домашнем халатике:

– Ой, Митя, привет! К нам нельзя, девочки ещё одеваются. Давай внизу встретимся через полчаса, у нас на потоке сегодня собрание.

– Хорошо. У нас, кстати, тоже. Спускайся, я подожду.

Пока я стоял в ожидании Юльки, мимо меня прошли ребята из нашей комнаты.

– Не опоздай на собрание, – сказал Виктор. – Плохая примета...

– Подожди, – перебил я его, – вон Юля идёт, сейчас я тебя познакомлю.

– Ну, вот и я, здравствуй, ещё раз, – сказала она. – Ты вчера приехал?

– Позавчера. Дай хоть тебя поцелую.

Она подставила щёку, в которую я и чмокнул её по-братски. Витька стоял, переминаясь с ноги на ногу. Было видно, что девушка произвела на него сильное впечатление, он даже слегка покраснел, что было на него не похоже.

– Это мой друг, Виктор, чемпион института по боксу в полутяжелом весе.

– Да ладно тебе, – вымолвил он опять же в несвойственной ему застенчивой манере и пожал протянутую девушкой руку.

– Мы немного пройдемся, времени ещё предостаточно, – сказал я ему, – а ты, если не трудно, займи мне место в аудитории.

Возле кинотеатра «Октябрь», который студенты задолго до нас по вполне понятной причине окрестили «Сачком», мы наскоро перекусили в маленьком кафетерии. Юлька без умолку щебетала, рассказывая, как провела в своем городке остаток каникул, и из её слов я заключил, что не так уж она и переживала нашу с ней разлуку. Впрочем, как и я.

– Расскажи мне немного о своих друзьях, – попросила она.

– Даже не знаю, что и сказать. Витьку ты видела, он боксер и мой лучший друг. Ваня Степанов, я тебя с ним познакомлю, добрейшая душа! Знаешь, ему на шахте после первого курса сломало ногу куском породы, так теперь предприятие, как полагается по закону, ежемесячно выплачивает Ваньке компенсацию. Между прочим, в четыре раза большую, чем наша с тобой стипендия. Так что он теперь ужинает только в ресторанах! Иногда кого-то из нас прихватывает, по очереди: то меня, то Витьку, то Артема Добужинского. Кстати, Добужинский – тоже личность неординарная: может неделю не есть, если деньги закончились. Правда, и на лекции в это время не ходит – впадает в спячку. В прямом смысле слова – спит дни и ночи напролет. Зато уж после стипендии, или когда Ваня в ресторан пригласит, наедается впрок, все сметает, не остановишь. А потом опять деньги кончаются и – снова спячка!

Мы подошли к институту.

– Давай, ближе к вечеру встретимся, в кино ходим, не возражаешь?

Возражений с её стороны не последовало, и мы разошлись по своим аудиториям, где проходили наши собрания. На следующий день было первое сентября. Но в том году на него выпало воскресенье, и мы компанией решили провести этот теплый солнечный день уходящего лета на природе. Взяли в прокате на лодочной станции несколько лодок и погребли на острова. Вода в Сене была прохладной, но некоторые, в том числе и я, все же решили искупаться. Когда мы вылезли из воды, на берегу уже горели костры, поджаривались сосиски и хлеб. Мы пили пиво, болтали и валялись на теплом песочке. Кроме Юли в компании было ещё несколько девушек – с нашего курса.

За два институтских года как-то сами собой сформировались пары; кое-кого мы уже и рассматривали чуть ли не как супругов. А еще через два-три года, к концу учебы, некоторые из наших сокурсников оформили свои отношения, сыграли свадьбы, правда, таких было не так уж много. После трапезы все разбрелись по острову. Мы с Юлькой ушли в самый его конец. Здесь росли камыши, далеко в реку вдавалась песчаная отмель. Мы гуляли по ней, взявшись

за руки, словно дети, по щиколотку в теплой ещё воде. Говорить ни о чем не хотелось, без слов было понятно, как нам хорошо друг с другом.

– Юль, – сказал я, – ты мне очень нравишься, я бы не хотел тебя потерять. Давай договоримся, если что-то во мне начнёт тебя раздражать – говори прямо, я не обижусь, постараюсь исправиться.

Она посмотрела на меня долгим взглядом, потом отвела свои лучистые глаза в сторону:

– Зря я тебе тогда всё рассказала, ты, наверное, принял меня за... неуравновешенную особу.

– Не без этого. Но никакой твоей вины в том, что случилось, мне кажется, нет, а все эти самокопания лишь разрушают психику.

– Теперь всё уже в прошлом и больше не будем об этом вспоминать! А твоё предложение я принимаю, я всегда за полную честность. Только ты не торопи меня, в некоторых вещах парни всегда начинают спешить. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Конечно же, я понимал, и у меня даже в мыслях не было ускорять события. С этого дня мы почти все свободное от учебы время проводили вместе – или вдвоем, или в компании наших общих друзей. Чаще всего в этих компаниях оказывался и Виктор. Друг мой и раньше не отличался особой разговорчивостью, а теперь почему-то стал совсем молчаливым, каким-то задумчивым, замкнулся в себе. На мои вопросы по этому поводу отвечал уклончиво, в наших с ним отношениях постепенно исчезала былая искренность. Я, однако, не придавал всему этому особенного значения, мало ли, с кем не бывает, пройдет какое-то время, и всё вернется на круги своя. Однажды Юлька задала мне странный вопрос, но и он меня не насторожил:

– Митя, а вы вправду с Виктором друзья?

– Конечно, если бы ты знала, через что мы прошли с ним недавно! Как-нибудь расскажу. А почему ты спрашиваешь?

– Да так, есть кое-какие сомнения...

Этим всё тогда и ограничилось. Был и ещё один разговор, которому я также не придал большого значения.

– Скажи, Митя, а ту свою девушку из Москвы ты часто вспоминаешь?

Где-то глубоко в подсознании вспыхнуло и тут же пропало неясное удивление. Что-то в этом вопросе было не так! Что-то, вроде, и насторожило меня, но что именно – я в ту минуту не понял, а копаться в себе не стал.

– Да нет, теперь, пожалуй, не часто. А вот когда-то... Ну что об этом говорить, Юль! Всё давно в прошлом, теперь у меня есть ты.

И только потом, спустя какое-то время, я вдруг понял, чем меня тогда так царапнул её вопрос: я никогда не рассказывал Юльке о том, что Зоя училась в Москве. Откуда она могла об этом узнать?

На Октябрьские праздники те, кто не уехал домой к родственникам, собирались компаниями в общежитии. Мы тоже решили отметить очередную годовщину Октябрьской революции. Закупили выпивку и продукты. В одной из комнат девчонки принялись сервировать стол, попросив нас, парней, не мешать им в этом ответственном деле. В коридоре меня окликнул Ваня Степанов:

– Иди, там, внизу, тебя дожидаются, я специально вернулся, чтобы тебе сообщить.

Я спустился на первый этаж. У турникета стояла Зоя!

– Ты? – удивился я. – Вот это да! Ты откуда взялась в нашем городе?

– Я же тебе дала телеграмму!

– Не получал! Что случилось?

– Ты извини, – сказала она, смущенно понизив голос, – но в первую очередь я хочу в туалет, где он тут у вас?

– Можно нам пройти ненадолго, – обратился я к вахтеру. – Девушка приехала из Москвы, очень нужно!

– Оставьте ваш паспорт, – с сознанием собственной значимости вымолвил он.

Зоя протянула ему документ. Я проводил её до женского туалета в самом конце нашего этажа, а сам не спеша направился к лестнице, по которой мы только что поднялись. Когда Зоя вышла, я заметил, что она была несколько бледновата.

– Что с тобой, тебе плохо? – встревожился я.

– Да что-то неважно себя почувствовала, кружится голова. Мне бы прилечь ненадолго.

– Пошли ко мне в комнату, там сейчас никого.

Но я ошибся, в комнате находился Виктор. Я усадил Зою за стол.

– Можно тебя на минутку? – сказал я ему, и мы вышли с ним в коридор. – Это Зоя, зачем приехала – не знаю, ты бы оставил нас с ней вдвоём.

– Да без проблем! – пожал он плечами. – Сколько вам времени понадобится, скоро уже за стол?

– Это не то, о чем ты подумал! Я, может, чуть-чуть опоздаю, займи на это время Юльку и придумай что-нибудь в моё оправдание.

Он снова пожал плечами:

– Желаю успеха!

Я не стал ему больше ничего говорить, потому что сам не понимал, чем вызван Зойкин неожиданный приезд. Когда я вернулся, она была всё так же бледна.

– Приляг на кровать, – я указал ей на свою койку. – Объясни, наконец, что всё это значит?

– Ты помнишь, я просила тебя дать мне время, чтобы в себе разобраться? Вот и разобралась... – Она отвернулась к стене: – Я дура, Митя, набитая дура!

– Ну что ты, успокойся! Что произошло?

Она всхлипнула и не сразу ответила на мой вопрос. Потом легла на спину и, глядя в потолок, тихо произнесла:

– Я беременна, Митя.

Мне такое и в голову не пришло, хотя сейчас-то я думаю, мог бы и сразу догадаться. Я смотрел на неё и хлопал глазами, не зная, что сказать. Потом выдавил из себя:

– Что ж, поздравляю, – надеюсь, ты с ним будешь счастлива.

– С кем, Митя? Что ты несешь!

– Ну с тем... который... ну, ты сама понимаешь, кого я имею в виду.

– Он сразу же, как узнал, растворился, исчез, словно ёжик в тумане...

– Понятно, потому ты и приехала ко мне?

– Ты вспомни, сколько всего между нами было! Этого не перечеркнешь одним махом и не забудешь.

– Но ты же решила перечеркнуть.

– Нет, я только хотела в себе разобраться... Я так тебе тогда и написала.

Это была истинная правда, но с тех пор всё изменилось. Мне почему-то пришла на память фраза: «Не пересекайте океаны ради людей, которые не пересекли бы ради вас лужи» и я, очевидно, произнёс её вслух.

– Что ты сказал? – переспросила Зоя.

– Да так, вспомнился один приятель. Знаешь, у меня есть девушка и я её, кажется, люблю.

– Видишь, кажется! – с горечью в голосе произнесла она. – Значит, ты тоже, Митя, ни в чем не уверен.

– Нет, Зоя, думаю, что уверен!

Я не знал, что ей ещё сказать. Мне было искренне жаль Зойку. «Как бы сложились наши с ней отношения, не напиши она мне тогда такое сумбурное письмо?» – подумал я и не нахо-

дил на этот вопрос ответа. Во всяком случае, теперь обратной дороги нет, теперь у меня есть Юлька!

– С тобой мне было лучше всего, – она взяла мою руку. – Ещё можно всё исправить, срок не большой.

– О чём ты говоришь, Зоя! Ты понимаешь, о чем ты говоришь!

Она обреченно вздохнула:

– Конечно, понимаю, это я так, от безысходности. Можешь меня поцеловать?

Я склонился над ней, было бы глупо в такой ситуации проявлять жеманство, и в этот момент дверь отворилась. На пороге стоял Виктор, рядом с ним была Юля. Из-за их спин выглядывали Иван и Моторин. Я сразу даже не понял, что произошло, только увидел глаза Юльки. В них был неподдельный ужас!

– Что я тебе говорил! А ты мне не верила! – услышал я Витькин голос. – Ты куда, Юля, стой, подожди! – закричал он и выскочил следом за ней.

Ничего не понимая, исчезли и парни. Первым моим порывом было броситься за Юлей, догнать, остановить, попытаться всё ей объяснить! Я уже и хотел сделать это, но что-то меня остановило в последний момент. Скорее всего, то, что я прочел в её взгляде. А было в нём, помимо промелькнувшего ужаса, ещё и презрение к тому, кто её обманул, то есть ко мне. Даже, не обманул, а предал, и это предательство столь умело скрывал! Что бы я ей сейчас ни сказал, для неё всё прозвучало бы ложью и только бы усугубило ситуацию!

По мере того, как я оправлялся от шока, ко мне приходило осознание необратимости произошедшего: это ведь лишь так говорится, что всё можно исправить, вернуть в исходное состояние, что непоправима одна только смерть! Ничего подобного, есть вещи и помимо телесного умирания, не поддающиеся полноценному восстановлению. Как тот разбитый сосуд, о котором я уже раньше упоминал. А суррогат, жалкое подобие того, что когда-то было настоящим, не склеенным, не залатанным, меня, увы, не устроит. Никогда не устраивало! Поэтому я и не побежал за Юлькой.

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем мы вышли с Зоей из общежития.

– Ты к родителям или обратно, в Москву? – спросил я её.

– Нет, в Москву не поеду... Ты прости меня, Митя, пожалуйста, что всё так получилось. Я не хотела...

– Знаю, что не хотела. Пошли, провожу тебя на автовокзал.

Мы сели в трамвай. Потом я посадил Зойку в междугородний автобус, а сам вернулся в общагу. «Вот бы сейчас зайти в свою комнату, – думал я, – переодеться, спуститься к Юльке и, как ни в чем не бывало, пойти с ней в парк Гракха Бабёфа или в „Сачок“ – посмотреть новый фильм. Вот бы всё случившееся оказалось кошмарным сном!» Но это была реальность, жестокая и беспощадная, и вернуть ничего без потерь было нельзя. Вот тогда-то, пусть на мгновение, я ощутил себя тем мальчишкой, её одноклассником, о котором она мне рассказывала на турбазе, и понять поступок которого я не мог.

В нашей комнате находился один только Виктор.

– Зачем ты это сделал? – спросил я у него. – Ведь ты же был моим другом!

Он ответил не сразу:

– Понимаешь, старик, в таких вопросах дружба не в счёт. Я сильнее тебя, а приз всегда достается более сильному, эта девушка должна принадлежать мне.

– И любые способы хороши?

– В данном вопросе – да! Такова жизнь, не обижайся, старик.

– Вот теперь ты мне точно напоминаешь Симоне Паронди, такой же подлец и подонок!

Он вздохнул, тяжело поднялся, подошел ко мне и ударил своим коронным молниеносным хуком слева. Ему этого, думаю, не очень-то и хотелось, но так было надо, того требовали его непоколебимые жизненные установки и понятия о мужской чести, ведь я его оскорбил. Разу-

меется, он отправил меня в глубокий нокаут, профессионал есть профессионал! Это был тринадцатый или четырнадцатый нокаут, точно не помню, в его боксерской биографии. Не зря же прозорливые родители дали ему имя Виктор!

Вместо эпилога

Они поженились с Юлией спустя два года, ещё не закончив институт. А после по распределению уехали куда-то на Север, Витька всегда мечтал в первую очередь заработать на машину. Не знаю, но думаю, у него это получилось. Спустя много лет я прочитал в одной из центральных газет шокирующую историю о подростке, который покончил с собой. В советское время такое публиковалось редко – блюли нашу веру в нового человека! Сейчас я уже не помню всех подробностей рассказанной журналистом трагедии, но речь шла об отце мальчика, человеке со стальным характером и непреклонной волей, требовавшего таких же качеств и от собственного сына. Качеств победителя, всегда и во всем! Он ломал парня, что называется, через колено. И в один прекрасный момент мальчишка не выдержал, свел счеты с жизнью.

С тех пор, как я прочитал эту статью, прошел не один год, прежде чем кто-то из бывших моих сокурсников, с которым мы, случайно встретившись, ударились в воспоминания, вдруг сказал:

– А ты не читал, случайно, историю, публиковавшуюся в «Комсомолке» лет этак пять назад, о том, как мальчишка покончил с собой из-за отца? Ну вспомни, тогда о ней говорили все.

– Разумеется, помню. Редкий случай для нашей прессы!

– Так это о нашем Викторе. И о Юле. Это они потеряли сына! Фамилии и имена там, конечно, изменены, но это о них. Такие вот, брат, дела!

Я был ошарашен. До сих пор не знаю, верить ли в то, что услышал? Но если всё это так, как рассказал приятель, то мне до боли сердечной жаль ту девочку с лучистым взглядом тёмно-серых глаз, которая когда-то могла бы стать, но так и не стала моей судьбой.

АРМЕЙСКАЯ ПОВЕСТЬ

Из записок советского двухгодичника

В наряде

На улице завывает ветер. Такой осатанелый, пронизывающий ветер бывает только зимой в бескрайних степях, да ещё на таких вот горных равнинах. А в этой конуре, именуемой «помещением дежурного по танковому парку» сравнительно тепло. Маленькая печка-буржуйка накормлена углём и свое дело знает туго – раскалилась докрасна и спасает нас, грешных, от преждевременной смерти. Если бы еще не выдувало тепло из всех щелей, то вообще жизнь была бы что надо!

Двое мальчишек-солдат спят на старых железных койках, с головой укрывшись шинелями и свернувшись калачиком. Но сон у них не крепкий, тревожный: в любую минуту могут поднять. Третий – часовой, ходит вокруг бронемашин и автомобилей, вооруженный увесистой палкой. И я – дежурный по парку, тоже вооружен, только не палкой, а шариковой ручкой. Набросил на плечи шинель и пишу эти строки. Ночь впереди длинная, спать не положено, да и не хочется. Сегодня я в первый раз в настоящем наряде. Имеется в виду – в роли начальника, то есть дежурного по парку. Прослушал вместе с бойцами перед заступлением на дежурство инструктаж капитана Швеца. Заполнил, согласно его разнарядке, путевые листы на машины. Где-то через час после ухода капитана в дежурке раздается телефонный звонок. На проводе начальник штаба нашего учебного центра майор Жихарев. Явно не трезвый.

– Вот что, лейтенант, – не допускающим возражения тоном приказывает майор. – Направь-ка в моё распоряжение ГАЗ-66, сейчас подойдет шофер.

Действительно, в дежурку вваливается воин в грязном бушлате.

– Не имею права, товарищ майор, – отвечаю я в трубку. – Действую в соответствии с инструкцией. На эту машину наряда нет, нет, стало быть, и путевки...

Но разве с начальником штаба поспоришь!

– Поговори у меня! Выполняйте приказ! – Майор переходит на «вы» и вешает трубку.

Я звоню капитану Швецу, дежурному по учебному центру, но его почему-то нет на месте. Бужу одного из бойцов, посылаю разыскать капитана и доложить ему обо всем. Через некоторое время солдат возвращается:

– Товарищ капитан сказали, что делаете все правильно, машину не выпускать. Ни одна не должна выйти из парка без путевого листа.

И тут в дежурку заходит сам майор Жихарев, пьяный, как я и предполагал.

– Мне долго ждать, лейтенант!?! Почему не выполняете приказ!?

Снова ссылаюсь на капитана.

– Кто для вас высший начальник, я или капитан Швец! – в ярости кричит начальник штаба.

– Вы, товарищ майор. Но машину без путевого листа и наряда я не выпущу.

Делать нечего и майор ретируется, хлопнув дверью и пообещав напоследок завтра разобраться и со мной, и с капитаном. Через некоторое время солдаты вновь начинают похрапывать. А я, накинув шинель, иду проверить, как там несет службу мой единственный часовой с палкой. Он стоит, укрывшись от ветра за машиной. Не спит. Да и попробуй усни тут, мигом околеешь. На небе блестят, перемигиваясь, холодные звезды. Я говорю бойцу что-то ободряющее, мол, скоро смена, и возвращаюсь в дежурку. Подбрасываю угля в печку и вновь берусь за авторучку.

На следующий день – тишина. Никто из начальства так и не вспомнил о вчерашнем инциденте. Вечером заканчиваю дежурство и возвращаюсь в казарму. Навстречу идет майора Жихарев. Отдаю ему честь. Он, как ни в чем не бывало, в ответ козыряет мне. Надо полагать, конфликт исчерпан и каждый из нас спокойно направляется восвояси.

Два домика

Наш учебный центр расположен в Араратской долине Армении. Отсюда хорошо видна гора Арарат, она на территории Турции. Другое сакральное для армян место – горный массив Арагац, или как его ещё тут называют Алагёз, также хорошо виден из окон нашей казармы. Этот массив расположен в границах современной Армении, его высота больше четырёх тысяч метров и протянулся он на сорок километров с востока на запад и почти на столько же – с юга на север страны. Армяне и гору Арарат считают своей как бы собственностью, несправедливо отторгнутой османами. Не зря же и на государственном гербе республики красуется изображение Большого и Малого Арарата, и лучшая футбольная команда республики носит имя этого символа всех армян мира.

Учебный центр – это ровная как стол площадка, ограниченная с западной стороны какой-то безымянной горой, с восточной – оросительным каналом, с южной – длинным покосившимся забором, а с северной – не ограниченная вообще ничем. Танковый парк, несколько финских домиков для проживания офицеров, столовая да наши казармы – вот и все постройки, имеющиеся здесь. Если подняться на безымянную горку, видна Араратская долина с её роскошными виноградниками и пустынными предгорьями Алагёза, на одном из которых, словно на картине Мартироса Сарьяна, прилепились два крошечных белых домика. Упоминаю о них только потому, что они играют важную роль в однообразной жизни обитателей учебного центра. Но об этом чуточку позже.

В первые дни нашего пребывания здесь мы нередко отлучались из части и бродили среди виноградников, подъедая оставшиеся после сбора урожая приторно сладкие, чуть увядшие ягоды. Более вкусного винограда мне не приходилось пробовать никогда! Вот почему всюду таким спросом пользуется армянский коньяк! Говорят, даже Черчилль в свое время оценил его по достоинству и получил целый ящик в подарок от Сталина.

Вся жизнь наша регламентируется чётким распорядком. Львиную долю времени поглощают теоретические и практические занятия: тактика, матчасть, огневая подготовка, боевое и тыловое обеспечение... Слава Богу, хоть строевой муштры нет, она нас на последипломных сборах достала. Соответствующие курсы читают прикомандированные к учебному центру майоры и подполковники. Есть среди них и те, кто прошел Великую Отечественную. К ним мы относимся с большим уважением. Но, как бы это поделикатнее выразиться, грамотёшки этим заслуженным, а порой и просто героическим ветеранам иногда не хватает. А нас – две сотни человек собранных со всех частей армии, и это не какая-нибудь безропотная солдатская масса, а офицеры, люди с полноценным высшим инженерным образованием. Трудно им с нами, этим товарищам майорам и подполковникам. Вот один из них втолковывает нерадивым слушателям:

– Судодача должна соответствовать количеству продовольствия, положенного по нормам на одного военнослужащего...

Кто-то тянет руку вверх.

– Слушаю, лейтенант.

– Товарищ майор, что это за «судодача» такая? Судом, что ли назначается? А, может, из флота в пехоту термин попал?

Пожилой майор пыхтит, отдувается и ничего не может сказать, кроме того, что «судодача», это то, что дают солдатам на завтрак, обед и ужин. Ему, в общем-то, невдомёк, что речь идёт о «сутодаче», то есть о суточном обеспечении военнослужащих питанием.

Так вот мы развлекаемся! А как ещё? Ни кино, ни библиотеки в Центре почему-то нет. То есть клуб, конечно, имеется, и библиотека тоже – положено по уставу. Но книги в библиотеке практически отсутствуют, поэтому она закрыта, а в полуразвалившемся клубе кино крутят два раза в месяц. Однажды привезли какую-то ленту. Нас расселось человек двадцать на некраше-

ных скамьях в ожидании фильма, большинство же осталось в казармах резаться по привычке в карты. Вдруг в помещение с шумом врывается какая-то разношерстная банда: шинели растянуты, ремни ниже пупа, пуговицы оборваны, погоны держатся на честном слове, засаленные пилотки у кого на голове, у кого торчат из карманов, сапоги в комьях засохшей грязи. Стройбат пожаловал! Они расквартированы неподалеку и иногда посещают клуб, чтобы отдохнуть после трудовых будней. До драки дело не доходит, но настроение испорчено.

Все тихо ропщут на установленный распорядок. Впрочем, подъем, зарядка – это ещё куда ни шло. Строем в столовую – тоже. Но сегодня было комсомольское собрание, поднялся шум, гвалт. Все наперебой кричали: когда будет вода в умывальниках, когда начнут топить в казарме, ведь уже середина ноября? Когда наведут порядок в столовой? Ответа нет. Но больше всего достает скукотища! В субботу после обеда и в воскресенье заняться абсолютно нечем. В увольнение не пускают, футбол, волейбол положения не спасают – не будешь же гонять мяч весь день! Карты! Вот на них-то мы все и подсели! В выходные сутками режемся в «буру», «очко», «триньку». Наконец, попросту в «дурака». Азартная, я вам скажу, штука, карты! Некоторые просаживают всю зарплату, а получаем мы прилично: сто двадцать рублей – за должность командира танкового взвода и сотню – за лейтенантское звание. Режемся в карты и пьем водку. Или вино. Когда спиртного не хватает, взоры обращаются к тем самым двум домикам на подступах к горе Алагёз, о которых я говорил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.